

нія на институты не только вещнаго права, но и другихъ отраслей магдебургскаго права.

Въ виду указанныхъ мной существенныхъ достоинствъ разсмотрѣннаго мной сочиненія, какъ вполне самостоятельнаго научнаго труда, представляющаго весьма важный вкладъ въ нашу небогатую литературу по исторіи литовско-русскаго права, я признаю автора этого сочиненія вполне достойнымъ награды золотой медалью и вмѣстѣ съ тѣмъ считаю существенно необходимымъ въ научныхъ интересахъ предложить юридическому факультету войти въ Совѣтъ Императорскаго Варшавскаго университета съ ходатайствомъ о разрѣшеніи напечатать настоящее сочиненіе на счетъ университета.

Заслуженный ординарный профессоръ *Θ. Леонтовичъ*.

Г. Варшава.

16 мая 1896 года.

ОТЗЫВЪ

о медальномъ сочиненіи на тему: „Объ уголовной ответственности малолѣтнихъ“, подъ девизомъ: *Mais un meurtrier de cet âge mérite autant la pitié que l'horreur*“.

Настоящее сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей:

I ч.—Статистическія свѣдѣнія о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступникахъ въ западной Европѣ и Россіи (стр. 65—212);
II ч.—Развитіе вопроса объ уголовной ответственности молодыхъ преступниковъ въ теоріи и законодательствѣ (стр. 213—598). Сочиненіе снабжено подробнымъ указателемъ всѣхъ относящихся къ данному вопросу источниковъ и литературы (стр. 1—64).

Въ первой части своего труда авторъ отмѣчаетъ постоянное возрастаніе числа молодыхъ преступниковъ, разсматриваетъ характеръ преступленій, совершаемыхъ малолѣтними, и наконецъ анализируетъ причины, вызывающія раннюю преступность молодежи. Эта часть работы написана методомъ статистическимъ, весьма внимательно и систематично, хотя нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ недостатковъ и промаховъ. Такъ, напримѣръ, статистическія данныя во многихъ случаяхъ взяты лишь за періодъ 1826 — 1860 г.г. и не всегда правильно сгруппированы; приведенный періодъ разбитъ на двѣ неравныя части 1826—1850 г.г. и 1851 — 1860 г.г.; затѣмъ, напр. на стр. 72 слѣдовало

взять ежегодную пропорцію за тотъ и за другой изъ означенныхъ периодовъ, что авторомъ не сдѣлано; изъ приведенныхъ-же имъ здѣсь цифръ нельзя извлечь желаемыхъ выводовъ. Тѣмъ не менѣе весь этотъ отдѣлъ работы свидѣлствуетъ о несомнѣнномъ трудолюбіи и дарованіяхъ автора, который не ограничился простымъ пересказомъ прочитаннаго, попытался самостоятельно разрѣшить многие спорные вопросы избраннаго имъ предмета. Не довольствуясь цифровымъ матеріаломъ, авторъ для наглядности составилъ даже особыя таблицы, графически изображающія постепенный ростъ числа малолѣтнихъ преступниковъ въ Россіи, въ Царствѣ Польскомъ и въ Галиціи.

Цифры уголовной статистики приводятъ автора къ тому убѣжденію, что громадное большинство преступленій, совершаемыхъ малолѣтними, принадлежитъ къ разряду мелкихъ кражъ, мелкихъ проступковъ, подсудныхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, и свидѣлствуетъ о томъ, что бѣдность и неудовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей жизни составляютъ главнѣйшіе факторы, наталкивающіе молодыхъ людей на преступленіе (стр. 138). Въ частности причинами, вызывающими раннюю преступность малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, авторъ совершенно основательно считаетъ нищету, заброшенность дѣтей и развращенность родителей. Первый факторъ (нищета) обуславливаетъ собою громадное большинство (72, 2^о/о) общаго числа преступленій, совершаемыхъ малолѣтними; второй факторъ (заброшенность дѣтей) даетъ 20, 7^о/о общаго числа преступленій; наконецъ на счетъ третьей причины (развращенности родителей) надо отнести 7, 1^о/о общаго числа. Давныя эти, конечно, нельзя считать безусловными, и у различныхъ авторовъ они не всегда исполнѣ однообразны. Такъ, напр., по мнѣнію А. О. Кистяковского, преступность $\frac{1}{4}$ дѣтей происходитъ не только отъ привитой развращенности, но и отъ природнаго предрасположенія къ развращенности; что-же касается преступности остальныхъ $\frac{3}{4}$, то она должна быть исключительно отнесена на счетъ дурнаго примѣра и дурнаго воспитанія.

Во второй части диссертациі, въ отдѣлѣ I, авторъ останавливается на теоретической разработкѣ вопроса объ отвѣтственности малолѣтнихъ въ старое время, въ XVIII столѣтіи и въ новѣйшую эпоху. Здѣсь авторъ разсматриваетъ, во-первыхъ, способность ко вмѣненію какъ необходимое условіе отвѣтственности лица,—съ точки зрѣнія теоріи абсолютной свободы воли, теоріи законмѣрности человѣческихъ дѣйствій и теорій отрицающихъ свободу воли; къ теоріямъ „нецессеріанизма“ авторомъ отнесены детерминистическое ученіе, уголовно-антропологическая и уголовно-соціологическая точки зрѣнія. Затѣмъ, авторъ анализируетъ молодой возрастъ, какъ причину уничтожающую вмѣняемость, подраздѣляя его, согласно установившимся въ науку взглядамъ, на возрастъ полной невмѣняемости, возрастъ относительной или условной невмѣняемости и возрастъ смягченія наказаній.

Наконецъ, въ отдѣлѣ II, авторъ приступаетъ къ обзорѣ законодательныхъ постановленій по отношенію къ вопросу объ ответственности малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ. Здѣсь съ большимъ вниманіемъ разсмотрѣны: 1) положенія римскаго, каноническаго, древне-французскаго, древне-нѣмецкаго и польскаго права; 2) постановленія важнѣйшихъ современныхъ законодательствъ Французскаго, Бельгійскаго, Германскаго, Австрійскаго, Нидерландскаго, Швейцарскаго, Италіянскаго, Испанскаго, Португальскаго, Великобританскаго, Скандинавскихъ государствъ, Сѣверо-Американскихъ штатовъ и друг. Третья глава этого отдѣла посвящена изслѣдованію отношеній русскаго законодательства къ молодымъ преступникамъ (стр. 505 — 581). Послѣ небольшого историческаго очерка (стр. 505—533), авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію постановленій современнаго русскаго законодательства, то есть Уложенія о наказаніяхъ, Мироваго Устава и проекта нашего новаго уголовного уложенія. Авторъ приходитъ къ заключенію, что наше дѣйствующее право, выходя изъ совершенно вѣрнаго дѣленія молодаго возраста на три періода, представляется однако въ высшей степени сложнымъ и не выдерживающимъ послѣдовательно своихъ основныхъ положеній; причиною этого, по мнѣнію автора, была, повидимому, неудачная попытка провести климатерическую систему и отраженіе русскимъ правомъ устарѣлаго взгляда, по которому *malitia supplet aetatem*“. Сравнивая между собою правила Уложенія и Уставъ о наказаніяхъ, авторъ справедливо находитъ здѣсь много несообразностей и противорѣчій, но впадаетъ, впрочемъ, въ ошибку, говоря, что по Уставу домашнее исправленіе уподобляется наказанію (стр. 578). Проектъ Редакціонной коммисіи устранилъ многіе изъ недостатковъ и внесъ совершенно новыя начала въ сферу русскаго уголовного права, но и онъ, по разумѣнію автора, обращаетъ еще слишкомъ мало вниманія на принудительное воспитаніе преступной молодежи, присуждая ее къ такимъ наказаніямъ, которыя только развращаютъ молодыхъ правонарушителей (напр. тюрьма). Авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе указаніемъ на непримѣнимость общихъ наказаній къ молодымъ преступникамъ и на необходимость развитія принудительнаго воспитанія для дѣтей преступныхъ и заброшенныхъ, въ смыслъ высокаго ученія Христа о необходимости попечительныхъ заботъ о „малыхъ сихъ“.

Все сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ большую начитанность и рѣдкое трудолюбіе. Кромѣ нѣкоторыхъ детальныхъ промаховъ, ошибокъ и противорѣчій,—неизбѣжныхъ въ силу сложности самаго вопроса объ ответственности малолѣтнихъ, — все сочиненіе (598 стр.) свѣдѣтельствуеетъ о серьезномъ изученіи предмета. Данныя статистики собраны съ возможной полнотой; иностранное законодательство раз-

смотрѣно съ чрезвычайной подробностію; положеніямъ дѣйствующаго русскаго права сдѣлана критическая оцѣнка, указывающая на полную самостоятельность воззрѣній автора. Въ виду всего изложеннаго, я полагаю-бы, что авторъ названной работы вполне заслуживаетъ награжденія золотою медалью.

Профессоръ В. Есиповъ.

ОТЗЫВЪ

о медальномъ сочиненіи на тему: „Устройство административной юстиціи въ Западной Европѣ и Россіи“, подъ девизомъ: „*Mixtum imperium cui iurisdictio inest*“.

Авторъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Устройство административной юстиціи въ Западной Европѣ и Россіи“, съ девизомъ „*Mixtum imperium cui iurisdictio inest*“, послѣ краткаго введенія разсматриваетъ въ первой его части (стр. 21 — 98) понятіе административной юстиціи, какъ оно въ настоящее время выработалось въ теоріи. Въ этомъ отношеніи онъ приходитъ къ заключенію, что всѣхъ авторовъ, занимающихся этимъ вопросомъ, можно бы раздѣлить на три категоріи. Къ первой слѣдуетъ причислить всѣхъ, которые, основываясь на принципѣ раздѣленія властей и обращая особенное вниманіе на субъектъ, считаютъ спорнымъ административнымъ дѣломъ всякое дѣло, въ которомъ одною изъ сторонъ является администрація, все равно, будетъ ли объектомъ этого дѣла публичное или частное право. Къ второй категоріи принадлежатъ тѣ писатели, которые обращаютъ исключительное вниманіе на объектъ дѣла и вслѣдствіе того къ спорнымъ административнымъ дѣламъ относятъ всѣ дѣла изъ области публичнаго права, не смотря на то ведется ли споръ между административными органами или между частными лицами, или между административнымъ органомъ съ одной и частнымъ лицомъ съ другой стороны. Къ третьей наконецъ категоріи причисляетъ авторъ тѣхъ ученыхъ, которые вообще оспариваютъ необходимость административной юстиціи и существованіе особыхъ административныхъ судовъ по той причинѣ, что всѣ спорныя дѣла должны быть рѣшаемы судебною властью и судебными учрежденіями, вслѣдствіе чего нѣтъ и надобности устраивать особые административные суды. Авторъ сочиненія, разсматривая понятія административной юстиціи, выставленныя различными учеными, принадлежащими къ тремъ вышеуказаннымъ категоріямъ, приводитъ въ краткости и основанія, на которыя они ссылались въ подтвер-

жденіе своего мнѣнія. На сколько же авторъ былъ старателенъ въ этой части своего сочиненія, можно убѣдиться изъ того, что онъ разсматривалъ понятія 42 писателей. Во второй части (стр. —99—158) авторъ разсматриваетъ подробно устройство административной юстиціи во Франціи, въ которой оно достигло высшей степени развитія, и затѣмъ указываетъ его недостатки. Такимъ же образомъ авторъ разсматриваетъ устройство административной юстиціи въ Германіи и различныхъ государствахъ, въ составъ ея входящихъ (стр. 159—215). Потомъ авторъ излагаетъ въ краткости устройство адм. юстиціи въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, какъ то Бельгіи, Австріи, Италіи, Швейцаріи и т. д. (стр. 216—245). Наконецъ авторъ занимается устройствомъ административныхъ судовъ въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ (стр. 246—294). Въ заключеніи онъ подвергаетъ оцѣнкѣ доводы, приводимые защитниками административной юстиціи и особыхъ административныхъ судовъ, и въ этомъ отношеніи, указывая ихъ несостоятельность, приходитъ къ заключенію что существованіе особой административной юстиціи и адм. судовъ слѣдуетъ считать переходнымъ состояніемъ въ развитіи государства и государственныхъ учреждений, послѣ котораго окончательнымъ результатомъ этого развитія будетъ исчезновеніе особой административной юстиціи и передача всѣхъ спорныхъ административныхъ дѣлъ судебной власти и общимъ судамъ.

Къ достоинствамъ этого сочиненія принадлежитъ во первыхъ начитанность автора, влѣдствіе которой онъ вполне изучилъ этотъ, столь спорный въ наукѣ, вопросъ. Затѣмъ точность и ясность изложенія, изъ которыхъ можно бы судить, что у автора умъ на столько трезвый, что онъ былъ бы въ состояніи равнымъ образомъ удовлетворительно разрѣшить и другіе вопросы по адм. праву. Поэтому, вполне одобряя это сочиненіе, я считалъ бы возможнымъ удостоить его автора золотою медалью.

А. Окольскій.

Варшава 3 (15) апрѣля 1896 г.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи на тему: „О вліяніи настраціи на предстательную железу. Экспериментальное изслѣдованіе“, подъ девизомъ: „Felix, qui potuit rerum cognoscere causas“.

Работа автора состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) введенія, 2) клинической части и 3) части экспериментальной.

Въ первой части авторъ излагаетъ довольно обстоятельно рядъ тѣхъ терапевтическихъ мѣръ и оперативныхъ пріемовъ, которыми располагаетъ современная клиника для леченія гипертрофіи предстательной железы и свойственныхъ этому недугу тяжкихъ явленій. При этомъ онъ справедливо отмѣчаетъ слабую сторону терапіи этого страданія и утверждаетъ, что какъ палліативныя, такъ и радикальныя хирургическія мѣропріятія далеко не всегда оправдываютъ себя у постели больного или на операціонномъ столѣ и вообще оставляютъ желать еще очень много въ смыслѣ достиженія лучшихъ практическихъ результатовъ. Среди сѣраго фона не особенно удачныхъ попытокъ, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи, свѣтлое мѣсто занимаетъ, повидимому, завоевать себѣ новый, недавно предложенный и уже съ большимъ успѣхомъ испытанный способъ леченія простатиковъ посредствомъ кастраціи. Гипертрофія предстательной железы — недугъ по преимуществу старческаго возраста, атрибутъ въ большинствѣ случаевъ весьма преклонныхъ лѣтъ. Слѣдовательно, кастрація, если только она дѣйствительно оправдываетъ свое куративное значеніе, не требуетъ особенной жертвы отъ тѣхъ больныхъ, которые, хотя и сохраняютъ бодрость духа и тѣла, но по преклонности лѣтъ уже близки къ лишенію половой способности. При такихъ условіяхъ операція эта можетъ считаться вполне умѣстной, показанною и законною. Мысль о примѣненіи ея къ простатикамъ, въ качествѣ врачующаго метода, родилась весьма недавно. По наведенной, однако, авторомъ исторической справкѣ оказывается, что уже и прежнимъ наблюдателямъ былъ извѣстенъ тотъ фактъ, что предстательная железа значительно уменьшается въ объемѣ послѣ кастраціи, наприм., у восточныхъ евнуховъ или послѣ холощенія животныхъ и т. д. Такимъ образомъ фактъ этотъ является вовсе не новостью и если онъ до послѣдней поры оставался загадочнымъ, то вѣроятно, вслѣдствіе того, что имъ мало кто интересовался. Желая выяснитъ его надлежащимъ образомъ, авторъ прибѣгаетъ къ различнымъ научнымъ соображеніямъ. Прежде всего онъ указываетъ на интимную связь, существующую между яичками (testiculi) и предстательною железю, какъ нераздѣльными составными частями полового аппарата, — связь сказывающуюся какъ при условіяхъ нормальныхъ, такъ и патологическихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ пользу этого говорятъ данныя и анатомическія, и физиологическія, и эмбриологическія, которыя и приводитъ авторъ. Въ этомъ же смыслѣ свидѣтельствуетъ и патологія: связь между названными органами даетъ себя знать между прочимъ въ томъ, что какъ при порокахъ развитія яичекъ, такъ и при нѣкоторыхъ болѣзненныхъ пораженіяхъ ихъ, наступаетъ послѣдовательно регрессивныя измѣненія также и въ предстательной железн. Авторъ наглядно иллюстрируетъ это рядомъ со-

ответственных клинических наблюдений, которые онъ удачно собралъ отъ другихъ наблюдателей. Не упустилъ онъ изъ виду и то обстоятельство, что аналогичныя, resp. регрессивныя измѣненія претерпѣваетъ предстательная железа не только послѣ удаленія яичекъ, но и послѣ перерѣзки или частичной резекціи выводныхъ протоковъ (vas defer.). Известно, что этимъ именно фактомъ уже и воспользовались въ самое послѣднее время нѣкоторые хирурги, пропагандирующіе производство у простатиковъ, вмѣсто кастраціи, болѣе простой операціи—перерѣзку или резекцію выводныхъ протоковъ. Авторъ становится въ ряды сторонниковъ этого послѣдняго способа, какъ болѣе простаго и не сопряженнаго съ рискомъ.

Вторая часть работы заключаетъ въ себѣ казуистическій матеріалъ. Здѣсь собраны всѣ клиническія наблюденія, какія были опубликованы въ текущей прессѣ (иностранной и русской) относительно примѣненія кастраціи съ терапевтическою цѣлью противъ тяжелыхъ формъ гипертрофіи предстательной желѣзы. Надо отдать справедливость—авторъ вполне овладѣлъ литературою этого вопроса и далъ себѣ трудъ исчерпать всѣ важнѣйшіе источники, какіе только были ему доступны. По заявленію его, первый, примѣнившій кастрацію съ полнымъ успѣхомъ противъ упомянутаго недуга, былъ не *Ramm* (изъ Христіаніи), какъ это утверждаютъ всѣ позднѣйшіе иностранные авторы, а профессоръ Московскаго университета *Θ. И. Синицынъ*, произведшій эту операцію еще въ 1885 году. (*Ramm* оперировалъ своего перваго простатика 3 апр. 1893 г.). Стало быть, инициатива новаго способа леченія гипертрофіи предстательной железы вышла не изъ Христіаніи, а изъ Москвы. Какъ видно изъ послѣдующаго изложенія автора, съ той поры внесенъ въ литературу цѣлый рядъ казуистическихъ наблюдений, обнимающій собою болѣе сотни случаевъ. Собранный матеріалъ приводитъ къ заключенію, что въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ новый методъ леченія простатиковъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ, не смотря на то, что онъ былъ примѣненъ у лицъ крайне преклоннаго возраста и при томъ въ случаяхъ довольно тяжелыхъ и запущенныхъ, въ которыхъ предвидѣлся одинъ исходъ—въ смерть. Такой благоприятный результатъ былъ достигнутъ не только послѣ удаленія яичекъ, но и послѣ простой перерѣзки или частичной резекціи выводныхъ протоковъ. Случаи этой категоріи также указаны авторомъ.

Наиболѣе интересною частью представляется отдѣлъ экспериментальный. Здѣсь авторъ обобщаетъ свои собственные результаты, добытые экспериментальнымъ путемъ. Описавъ постановку своихъ опытовъ и техническую ихъ сторону, онъ переходитъ къ изложенію микроскопическаго изслѣдованія препаратовъ предстательной железы, полученныхъ въ разные сроки, какъ послѣ кастраціи, такъ и послѣ ре-

зекціи vas defer. Въ подкрѣпленіе полученныхъ результатовъ, авторъ приложилъ къ своему описанію микрофотографическіе снимки съ соответственныхъ препаратовъ, которые документально свидѣтельствуютъ о томъ, что prostata послѣ удаленія яичекъ или вырѣзыванія выводныхъ протоковъ приводится у животныхъ въ относительно непродолжительный срокъ къ искусственной атрофіи. Въ самомъ дѣлѣ, стоить только сравнить между собою два микрофотографическихкіе снимка—картину строенія нормальной предстательной железы съ таковою же послѣ эксперимента—и тогда разница въ структурѣ рѣзко бросается въ глаза. Здѣсь дѣло несомнѣнно сводится къ обратному развитію железы. Констатировавъ этотъ фактъ, авторъ тѣмъ самымъ не только объясняетъ, но и доказываетъ пользу и цѣлесообразность вышеупомянутыхъ операций у человѣка, одержимаго тяжелыми явленіями гипертрофіи предстательной железы.

Принимая во вниманіе, что авторъ настоящаго сочиненія успѣшно справился со своею задачею, доказавъ въ немъ свое знакомство и съ текущею литературою по данному вопросу, и съ соответственными методами изслѣдованія, я полагаю, что изслѣдованіе его, увѣчавшееся весьма цѣннымъ научнымъ результатомъ, заслуживаетъ награжденія золотою медалью и напечатанія (по надлежащей перередактировкѣ) на счетъ университета, о чемъ я имѣю честь ходатайствовать.

Профессоръ В. Максимовъ.

2 февр. 1896 г.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи на тему: „Сравнительная оцѣнка современныхъ способовъ наложенія кишечнаго шва (enterorrhaphia) на основаніи экспериментальной провѣрки, а также клиническихъ данныхъ, обнародованныхъ въ текущей прессѣ“, подъ девизомъ: „Feci, quod potui, faciant meliora potentes“.

Въ первой части своего труда авторъ приводитъ историческія свѣдѣнія о соединеніи кишечныхъ ранъ и указываетъ на различныя способы шиванія ихъ, какіе были въ ходу у хирурговъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ и оканчивая новѣйшею эпохою. Всѣ разнообразнѣйшія попытки въ этомъ направленіи, однако, оставались почти совершенно безплодными, пока не было подмѣчено за брюшиною осо-

бое свойство, именно склонность къ слипчивому воспалѣнію подъ вліяніемъ сравнительно ничтожнаго раздраженія въ соответственномъ мѣстѣ. Этимъ именно свойствомъ и воспользовалась практическая хирургія, чтобы обезпечить успѣхъ сращенія кишечныхъ ранъ, соединяемыхъ швомъ. Разработка методики кишечнаго шва, основанной на принципѣ тѣснаго сближенія *серозныхъ* поверхностей кишечника, принадлежитъ главнымъ образомъ французскому хирургу *Lembert'у* и составляетъ его неотъемлемую заслугу. Только съ той поры (1826) кишечный шовъ и сталъ на прочную ногу. Всѣ прочіе методы, предложенные позднѣе, въ сущности представляютъ собою только болѣе или менѣе удачныя видоизмѣненія и усовершенствованія того же *Lembert'ова* способа, такъ какъ всѣ они имѣютъ въ основѣ одинъ и тотъ же принципъ — тѣсное соприкосновеніе серозныхъ поверхностей. Авторъ описываетъ довольно подробно и обстоятельно почти всѣ новѣйшіе способы шиванія кишекъ, при чемъ вдается отчасти и въ критическую оцѣнку ихъ. Достаточно удѣлено съ его стороны вниманія также и недавно предложеннымъ способамъ *Senn'a*, *Hallsted'a*, *Chaput*, *Murphy* и др. Обобщая такимъ образомъ значительный сводъ свѣдѣній по части техники энтерорафіи, авторъ тѣмъ самымъ изобличаетъ въ себѣ весьма солидное знакомство съ этимъ вопросомъ, пользуясь для своего изложенія готовыми данными, которыя онъ черпаетъ рѣпата изъ новѣйшихъ иностранныхъ источниковъ, преимущественно же изъ работы *Frey'я*, обнародованной въ прошломъ году. Что же касается собственно сравнительной оцѣнки описываемыхъ способовъ съ точки зрѣнія клиническаго опыта (гезр. статистическихъ данныхъ), то въ этомъ отношеніи авторъ не даетъ указаній въ желательной полнотѣ и ограничивается лишь краткими замѣчаніями изъ тѣхъ источниковъ, какіе были у него подъ руками.

Чтобы разобраться въ этомъ сложномъ и трудномъ вопросѣ, онъ предпринялъ рядъ опытовъ на животныхъ съ цѣлью сравнительнаго испытанія нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ методовъ энтерорафіи, избравъ для того способы *Chaput*, *Kacher'a*, *Vella*, видоизмѣненный способъ *Senn'a* и снарядъ *Murphy*. Описаніе этихъ опытовъ, съ изложеніемъ вытекающихъ изъ нихъ выводовъ, составляетъ вторую часть его работы. Относительно способа *Chaput* „*par abrasion*“ авторъ высказывается, что онъ не видитъ въ немъ никакихъ преимуществъ передъ остальными методами. Къ достоинству его онъ относитъ то, что этотъ способъ, въ отличіе отъ другихъ, не угрожаетъ сшиваемой кишкѣ окклюзіею; а къ недостаткамъ его онъ причисляетъ: медленность выполненія операціи, образованіе наружнаго валика по линіи шва, возможность проникновенія кишечнаго содержимаго наружу и прорѣзыванія отдѣльныхъ швейныхъ петель. — Лучшія впечатленія получилъ авторъ

отъ способа сшиванія кишекъ по *Kocher'у*: операція совершается быстро, благодаря непрерывности шва, герметизмъ достигается надежнѣе и получаются болѣе вѣрные шансы для сращенія. Слабая сторона этого способа—разслабленіе шва по всему протяженію, если онъ гдѣ либо прорѣзывается, съ расхожденіемъ краевъ раны. — Способъ *Vella* былъ испытанъ всего лишь въ двухъ опытахъ; авторъ, тѣмъ не менѣе, считаетъ его „не совсѣмъ надежнымъ“ по той причинѣ, что содержимое кишечника можетъ проникать изъ просвѣта черезъ одноэтажный шовъ, какъ это и было у него въ одномъ опытѣ. — Что же касается способа *Senn'a*, который представляется автору довольно сложнымъ и требующимъ особаго навыка, то онъ ограничился всего лишь однимъ опытомъ испытанія упрощенной модификаціи этого способа — съ резиновымъ кольцомъ. Но экспериментъ этотъ нельзя считать удачнымъ.

Въ добавленіе къ своимъ опытамъ и личнымъ наблюденіямъ авторъ счелъ за нужное присообщить еще описаніе и тѣхъ экспериментовъ, которые были произведены не имъ самимъ, а другимъ лицомъ, и въ которыхъ онъ участвовалъ лишь въ качествѣ помощника. Въ этомъ случаѣ дѣло шло объ испытаніи снаряда *Murphy* у собакъ съ цѣлью образованія гастроэнтеростоміи, энтероанастомоза, соединенія концевъ резецированной кишки и т. д. Въ виду того, что эти опыты дали весьма благопріятный результатъ, онъ горячо высказывается въ пользу способа *Murphy* и старается оцѣнить его по достоинству.

Изъ представленнаго содержанія сочиненія видно, что авторъ отнесся весьма серьезно и добросовѣстно къ интересовавшей его темѣ, подробно изучилъ относящіеся къ ней источники, поскольку они были для него доступны, и вообще доказалъ приложеніе и старательность. Если изслѣдованіе его и не вноситъ въ науку новыхъ фактовъ и данныхъ, то всё же нельзя отказать ему въ томъ, что оно даетъ нѣкоторый матеріалъ къ выясненію достоинствъ и слабыхъ сторонъ изученныхъ имъ способовъ энтероррафіи. Во вниманіе этого я нахожу возможнымъ наградить автора этого сочиненія *серебряною медалью*, о чемъ и имѣю честь ходатайствовать.

Профессоръ В. Максимовъ.

5 февраля 1896 г.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи на тему: „Экспериментальная провѣрка возможности образованія противоестественной уретры — по способу *Poncet*, съ попытками усовершенствованія этого способа“, подъ девизомъ: „*Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas*“.

Настоящее сочиненіе распадается на двѣ части: 1) вступленіе и 2) описаніе опытовъ.

Въ первой части авторъ излагаетъ тѣ мотивы и руководящія идеи, которые послужили поводомъ для его изслѣдованія.

При наступающемъ задержаніи мочи вслѣдствіе гипертрофіи предстательной железы, когда нѣтъ никакой возможности проникнуть катетеромъ въ переполненный пузырь, чтобы опорожнить его, обыкновенно прибѣгаютъ съ этою цѣлю, какъ къ *refugium ultimum*, къ надлобковому проколу пузыря. Эту операцію, однако, нельзя считать совершенно невинною: нерѣдко она даетъ поводъ къ послѣдовательному образованію мочевоы инфильтраціи съ весьма пагубными послѣдствіями. Во избѣжаніе этого ліонскій хирургъ *Poncet* остановился на мысли производить въ этихъ случаяхъ надлонный свищъ посредствомъ вскрытія пузыря и пришиванія раны его по краямъ съ раною брюшной стѣнки. Извѣстно, что эту идею онъ впервые осуществилъ въ 1888 году на старикѣ простатикѣ, мучившемся задержаніемъ мочи. Послѣ операціи больной получилъ возможность опорожнять мочу черезъ искусственный свищъ, который принялъ на себя роль уретры, почему *Poncet* и назвалъ его „*urèthre contre nature*“, а самую операцію — цистостоміею. Съ той поры *Poncet* сталъ примѣнять этотъ способъ леченія ко всѣмъ простатикамъ, требующимъ кроваваго вмѣшательства. Однако, еще раньше того, именно въ 1883 году, *v. Nussbaum* опубликовалъ 4 случая, въ которыхъ ему довелось произвести подобный же свищъ съ уподобленіемъ его уретрѣ, вслѣдствіе чего онъ и назвалъ его „*Künstliche Harnröhre*“. Достигнутые въ этихъ случаяхъ результаты были столь блестящи, что послѣ операціи „удержаніе мочи и опорожненіе ея совершалось больными произвольно“. Авторъ такимъ образомъ доказываетъ, что пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ не *Poncet*, а *v. Nussbaum*’у. Но отъ этого не умаляется заслуга *Poncet*, которая, какъ видно изъ изложенія автора, сводится главнымъ образомъ къ тому, что онъ возвелъ свою операцію въ степень метода и разработалъ до деталей показанія къ ней. Одинъ изъ его учениковъ, д-ръ *Lagoutte*, недавно (1894) опубликовалъ 63 случая

цистостоміи (по *Poncet*) у простатиковъ. Главный интересъ этого сообщенія состоитъ въ томъ, что у нѣкоторыхъ оперированныхъ больныхъ возстановилась со временемъ способность не только удерживать мочу въ пузырь, но и опорожнять ее черезъ свищъ по произволу. Правда, число такихъ счастливыхъ исходовъ пока еще не особенно значительно (31%). Въ этихъ случаяхъ важно то, что свищъ пріобрѣлъ такую функцію, которую можно уподобить дѣйствию сфинктера. У большинства же цистостомированныхъ эта функція отсутствовала и случилось недержание мочи. Чтобы отвѣтить на вопросъ: чѣмъ объясняется при существованіи искусственного свища эта вновь-пріобрѣтаемая способность задерживать мочу въ пузырь и опорожнять ее по произволу,—авторъ цитируетъ *Lagoutte'a*, по мнѣнію котораго постоянному истеченію мочи препятствуетъ, съ одной стороны, та рубцовая ткань, которая образуется вокругъ свищеваго канала, преимущественно на мѣстѣ соединенія слизистой оболочки съ кожей, и которая, стягиваясь послѣдовательно, образуетъ родъ сжимающаго кольца, не пропускающаго мочи; съ другой стороны — въ этомъ же направленіи сказывается дѣйствіе прямыхъ мышцъ живота, при сокращеніи которыхъ суживается еще болѣе просвѣтъ свища, находящагося въ промежуткѣ между ними (*l. alba*). Къ сожалѣнію, эти факторы выдвигаются на сцену лишь у ограниченаго числа больныхъ и не зависятъ отъ воли хирурга. Въ этомъ и заключается, между прочимъ, слабая сторона операціи *Poncet*. Чтобы добиться въ каждомъ случаѣ желательнаго функціональнаго результата, были предложены и испытаны нѣкоторыя видоизмѣненія и усовершенствованія этой операціи. Авторъ указываетъ на разныя попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, за которыми, однако, отнюдь нельзя признать рѣшающаго значенія по малочисленности наблюденій. Довольно обстоятельно описываются имъ способы *Witzel'я*, *Zweifel'я*, *Martin'a*, *Wiesinger'a*, *Jaboulay'я* и *Guillemet*. Не смотря на остроумныя выдумки и изобрѣтательность названныхъ хирурговъ, вопросъ объ усовершенствованіи цистостоміи (въ смыслѣ обезпеченія за нею полнаго функціональнаго результата) мало подвинулся впередъ и остается по прежнему открытымъ.

Исходя изъ этого соображенія, авторъ предпринялъ рядъ опытовъ на собакахъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы, съ одной стороны, проверить возможность образованія противоестественной уретры (*urèthre contre nature*) по способу *Poncet*, равно какъ и предложенныя видоизмѣненія этой операціи, а съ другой стороны—попытаться самому придумать такой способъ, который гарантировалъ бы (по крайней мѣрѣ у собакъ) произвольное мочеиспусканіе послѣ цистостоміи. Описаніе этихъ опытовъ и составляетъ вторую половину работы автора.

Онъ произвелъ 6 серій опытовъ, соответственно вышеупомяну-

тымъ способамъ образованія надлоннаго мочевого свища. Такъ какъ мочевой пузырь у собакъ покрытъ почти со всѣхъ сторонъ брюшиною, то въ моментъ вскрытія его моча неизбежно заливается въ полость брюшины. Въ предупрежденіе этого осложненія, операція производилась въ два сеанса: сначала пузырь пришивался къ краямъ брюшной раны, а потомъ, когда наступало приращеніе его, онъ вскрывался. Моча такимъ образомъ не попадала ни во время операціи, ни послѣ нея въ полость живота.

Полученные результаты были таковы. Послѣ цистостоміи по *Poncet* получался свищъ, черезъ который постоянно выдѣлялась моча; ничего такого, что напоминало бы дѣйствіе сфинктера, свищъ не обнаруживалъ; было явное недержаніе мочи. Авторъ пробовалъ пришивать стѣнку пузыря къ одной кожѣ, избѣгая захватывать въ шовъ всю толщу брюшной стѣнки (*Guillemot*), но результатъ былъ одинаковъ — недержаніе мочи. Столь же безуспѣшною оказалась попытка опсепарованія слизистой оболочки отъ мышечнаго слоя пузыря и пришивания ея къ краямъ кожи. Оправдалъ себя до нѣкоторой степени лишь способъ *Witzel*'я, (предложенный, какъ извѣстно, для образованія желудочнаго свища), который давалъ свищъ въ видѣ косога канала, образованнаго на счетъ стѣнки пузыря и отчасти брюшной стѣнки. Нѣкоторые животныя, оперированныя по этому способу, опорожняли мочу черезъ свищъ періодически, слѣдовательно, не обнаруживали недержанія мочи¹⁾. Въ одномъ случаѣ такой же результатъ получился и отъ операціи по *Jaboulay*'ю. Не усматривая въ испытанныхъ способахъ вѣрной гарантіи въ пользу возстановленія способности удерживать мочу въ пузырь послѣ операціи, авторъ, въ заключеніе своей работы, рѣшается воспользоваться идею *Gérard*'а (предложенною для образованія желудочнаго свища). Чтобы получить родъ сжимающей мышцы, онъ отдѣлялъ отъ *m. rectus* съ обѣихъ сторонъ разрѣза по мышечному пучку и перекрещивалъ ихъ такъ, что они обхватывали часть фиксированнаго пузыря, подобно сфинктеру. Въ такомъ положеніи они удерживались швами. Результатъ оправдалъ ожиданіе: цистостомированныя по этому способу собаки могли удерживать мочу въ пузырь.

Несомнѣнно, что авторъ потратилъ на свою работу очень много труда и времени и доказалъ въ своемъ сочиненіи близкое и многосторон-

¹⁾ Для того, чтобы вѣрнѣе судить о томъ, насколько свищъ принимаетъ на себя роль уретры (герг. сфинктера), послѣдняя на-глухо закрывалась особымъ швомъ, такъ что моча могла выдѣляться только черезъ свищъ.

нее знакомство съ литературою по данному вопросу. Отвѣчая вполнѣ на предложенную тему, работа его подтверждаетъ экспериментально возможность образованія „urèthre contre nature“ *Poncet*) и знакомить съ новѣйшими попытками усовершенствованія цистостоміи. Въ виду этого я полагаю возможнымъ удостоить автора награды серебряною медалью.

Профессоръ В. Максимовъ.

8 февр. 1896 г.

О геологическомъ развитіи организмовъ и земнаго рельефа.

Рѣчь, составленная профессоромъ **В. П. Амалицимъ** къ торжественному
акту въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ

30 Августа 1896 г.

Геологія одна изъ-самыхъ обширныхъ отраслей естественно-историческихъ знаній. Поставивъ себѣ главною задачею исторію земли, въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, она, въ силу этой задачи, пришла въ тѣсное соприкосновеніе съ цѣлымъ рядомъ весьма разнородныхъ физико-математическихъ и естественныхъ наукъ: астрономіей, физикой, химіей, біологіей, географіей и др. Хотя, основавшись на почвѣ минералогіи, она, по существу своему, принадлежитъ къ разряду физико-химическихъ наукъ, но въ своемъ основномъ отдѣлѣ — въ ученіи о порядкѣ и формѣ залеганія горныхъ породъ, составляющихъ земную кору, давно уже пользуется, главнымъ образомъ, палеонтологическимъ методомъ, что установило связь между нею и біологическими науками. При такомъ близкомъ соприкосновеніи ея съ другими естественно-историческими знаніями, развитіе ея зависитъ не только отъ ея собственнаго прогресса, но и отъ роста и успѣха указанныхъ выше вспомогательныхъ наукъ. Открытіе законовъ сохраненія энергіи и вѣчности матеріи, совершившее переворотъ въ физикѣ и химіи, имѣло громадное вліяніе на установленіе раціональныхъ понятій въ геологіи. Униформитаріанизмъ поставилъ геологію въ разрядъ точныхъ индуктивныхъ наукъ строго обоснованнымъ положеніемъ о тождествѣ силъ, производившихъ и производящихъ измѣненія на земной поверхности и, какъ слѣдствіе отсюда, о возможности по сохранившимся въ земной корѣ результатамъ дѣйствія этихъ силъ судить о ихъ характерѣ

и напряженности, по аналогіи съ законами, управляющими современными физическими явлениями, совершающимися на земной поверхности. Такъ установилась самая тѣсная связь геологіи съ физической географіей, до того тѣсная, что нѣкоторые отдѣлы геологіи, особенно занимающіеся реставрированіемъ физико-географическихъ условій, имѣвшихъ мѣсто на землѣ въ прежнія геологическія эпохи, могутъ смѣло носить названіе „палеогеографіи“, которую нѣкоторые ученые (F. Саппи) желаютъ выдѣлить въ самостоятельную отрасль географіи. Съ другой стороны столь недавно развившійся отдѣлъ физической географіи, носящій названіе океанографіи, нашелъ такое обширное приложение въ геологіи, что сдѣлался ея неотъемлемою частью, а самая историческая геологія, при теперешнемъ ея направленіи и по преобладающему количеству работъ, сводится преимущественно къ исторіи океановъ, морей и вообще водныхъ бассейновъ. Эволюціонное ученіе, проникнувшее во всѣ отдѣлы естествознанія, оставило глубокіе слѣды въ геологіи. Палеонтологическія данныя, служившія только для узкихъ стратиграфическихъ цѣлей, давъ схему распредѣленія организмовъ въ земной корѣ въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіяхъ т. е. во времени и пространствѣ, при детальной обработкѣ, по методамъ сравнительной анатоміи, привели къ ученію о филетической эволюціи организованнаго міра во времени. Эта послѣдняя, поставленная въ параллель съ ихъ эмбриональнымъ развитіемъ, привела къ установленію того замѣчательнаго правила, формулированнаго Геккедемъ, какъ „біогенетическій законъ“, по которому развитіе индивидуума есть только краткое и упрощенное повтореніе продолжительнаго пути, по которому шло развитіе рода и всего типа. Этотъ „біогенетическій законъ“ установилъ самую тѣсную связь между палеонтологіей и эмбриологіей. Если каждый нынѣ живущій организмъ есть только послѣднее звено въ общемъ циклѣ его предковъ и отражаетъ въ себѣ признаки этихъ послѣднихъ, то и во всемъ въ совокупности взятомъ современномъ организованномъ мірѣ можно найти рядъ свойствъ и признаковъ, связующихъ его съ предшествовавшими ему организмами. Отсюда вытекаетъ возможность установить преемственность въ развитіи фауны и флоры и связать самый древній организованный міръ, извѣстный намъ по палеонтологическимъ остаткамъ, чрезъ рядъ промежуточныхъ звеньевъ съ настоящимъ и въ этомъ послѣднемъ видѣть конечныя развѣтвленія генеалогическаго древа,

главныя вѣтви котораго и стволъ скрыты въ глубинѣ геологическихъ отложеній и только палеонтологическіе остатки, погребенные въ слояхъ земной коры, сопоставленные въ хронологическомъ и генетическомъ порядкѣ, могутъ дать понятіе о формѣ, очертаніяхъ и развѣтвленіяхъ даннаго древа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и геологи, выходя изъ положеній униформитаріанизма, пользуясь стратиграфическими и палеонтологическими методами и опираясь на результаты океанографическихъ изслѣдованій, устанавливаютъ преемственную зависимость современнаго рельефа земной коры, распрежденія на ней насушныхъ и водныхъ пространствъ и ихъ горизонтальнаго и вертикальнаго разчлененія отъ такихъ же физикогеографическихъ условій, имѣвшихъ мѣсто въ прежнія геологическія времена. Такимъ образомъ устанавливается ученіе объ эволюціи земнаго рельефа или о развитіи лика земли. Теперь, въ виду тѣсной зависимости организованнаго міра отъ физико-географическихъ условій, геологамъ представляется не легкая задача попытаться найти причинную зависимость между эволюціей лика земли и эволюціей организмовъ во времени и пространствѣ.

То соотношеніе, какое существуетъ между физико-географическими условіями и организованнымъ міромъ, понятно само собою: водные бассейны имѣютъ совершенно иное населеніе, чѣмъ наземныя пространства; въ свою очередь изъ водныхъ бассейновъ соленые, солоноватоводные и прѣсноводные рѣзко отличаются по своему населенію. Я не буду далѣе пояснять этой мысли само собою понятной; я только постараюсь, выходя изъ положенія о тѣсной зависимости организованнаго міра отъ среды его обитанія, указать, какія слѣдствія можно вывести, анализируя вертикальное распространеніе въ земной корѣ организованныхъ остатковъ -- окаменѣлостей, или, что тоже самое, изслѣдуя развитіе организованнаго міра во времени, начиная отъ самыхъ древнихъ эпохъ, оставившихъ намъ слѣды своихъ организмовъ, и до нашихъ дней. Постараемся указать самыя существенныя черты хода развитія организмовъ и, припоминая связь между средою и ея живымъ населеніемъ, попытаемся, нельзя-ли изъ сопоставленій развивавшихся организмовъ съ физическими условіями, необходимыми для ихъ существованія, судить о сущности этихъ послѣднихъ и объ ихъ измѣненіи во времени. — Но съ первыхъ же шаговъ мы встрѣчаемся съ громаднымъ

препятствіемъ: самыя древнія породы, лежащія въ основаніи земной коры, т. е. кристаллическіе сланцы мало того что не содержатъ никакихъ организованныхъ остатковъ ни растений, ни животныхъ, но рѣзко отличаются отъ всѣхъ горныхъ породъ, условія образованія которыхъ мы знаемъ. Потому мы не въ состояніи пока рѣшить вопроса, при какихъ физико-географическихъ условіяхъ образовались кристаллическіе сланцы и была-ли тогда на землѣ органическая жизнь. Понятно, что разгадать природу этихъ интересныхъ породъ значило-бы разрѣшить самыя существенныя вопросы мірозданія, ибо это суть „іероглифы“ (какъ ихъ остроумно называлъ Иностранцевъ), которыми въ природѣ написаны первыя главы исторіи земли и при этомъ очень и очень обширныя, въ которыхъ изложена если не вся, то существенная часть исторіи мірозданія. Гдѣ же искать ключъ къ чтенію этихъ рунъ? Оставивъ ихъ пока въ сторонѣ, мы можемъ быть подойдемъ къ ихъ пониманію, изслѣдуя остальные болѣе понятные намъ памятники, наслоенные въ земной корѣ съ такихъ древнихъ временъ, давность которыхъ едва-ли понятна человѣческому уму. Самый древній органическій міръ — есть кембріійскій. Онъ отдѣленъ отъ настоящаго времени рядомъ эпохъ (силурийской, девонской, каменноугольной, пермской, триасовой, юрской, мѣловой, третичной и четвертичной) весьма различной продолжительности. Попробуемъ сравнить этотъ самый древній органическій міръ съ теперешнимъ и уяснить, какія онъ претерпѣлъ существенныя измѣненія въ послѣдующія эпохи, пока не достигъ современнаго состоянія. Кембріійскій органическій міръ выраженъ представителями всѣхъ живущихъ теперь типовъ животнаго царства, за исключеніемъ позвоночныхъ*), и самыми низшими представителями растений — водорослями. Слѣдовательно, по степени совершенства мы сразу застаемъ животный міръ, стоящій на очень высокой ступени развитія (о растеніяхъ мы пока воздержимся что либо говорить, ибо остатки ихъ возбуждаютъ много споровъ), но онъ несравненно ниже стоитъ современнаго органическаго міра уже потому, что не содержитъ самаго высокаго по организаціи типа, а именно, позвоночныхъ. Другая особенность кембрійскаго органическаго міра заключается въ томъ, что онъ воднаго происхожденія и при томъ исключительно морскаго, тогда какъ современный животный міръ не только рѣзко дифференцированъ на водный и наземный, но и на

*) Вопросъ о существованіи тогда Tunicata остается открытымъ.

другія болѣе мелкія фаціи. При такомъ громадномъ различіи въ характерѣ фауны современной и кембріійской невольно напрашивается вопросъ: какіе были организмы во время промежуточныхъ эпохъ, итъ ли звеньевъ, связующихъ самое отдаленное прошлое съ настоящимъ и въ какомъ порядкѣ расположены эти звенья и что они говорятъ. — Фауны и флоры всѣхъ почти системъ переходятъ одна въ другую. Ненахождение промежуточной морской фауны, которая тѣсно связала-бы палеозойскую эру съ мезозойской и эту послѣднюю съ кайнозойской есть вопросъ времени; за то наземные организмы значительно сглаживаютъ переходъ палеозойскаго континентальнаго міра въ мезозойскій, а этого послѣдняго въ кайнозойскій. Едвали кто теперь станетъ оспаривать, что органическій міръ развивался на землѣ преемственно и послѣдовательно. Американскій ученый Уайтъ выражаетъ общій ходъ развитія организмовъ на землѣ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

„1) Всѣ виды животныхъ и растений произошли генетически отъ прежде существовавшихъ формъ и потому всѣ они болѣе или менѣе измѣнчивы въ отношеніи ихъ воспроизведенія. Виды, вмѣстѣ съ различными высшими дѣленіями, на которыя животное и растительное царство дѣлимы, приобрѣли ихъ отличительныя характеристическія черты черезъ дифференціальную и постепенно прогрессивную эволюцію. Вымираніе всѣхъ видовъ и другихъ дѣленій животнаго и растительнаго царствъ, которое имѣло мѣсто въ геологическія времена, всегда происходило естественными способами и въ согласіи съ естественными законами. Обыкновенно оно было послѣдовательнымъ и постепеннымъ, но во многихъ случаяхъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ или районахъ — случайнымъ, но никогда не происходило универсальнаго вымиранія.

2. Совмѣстно съ прогрессомъ эволюціи, не смотря на замедленіе, инерцію и, даже, регрессъ, которые совершались въ извѣстныхъ направленіяхъ, все таки въ продолженіе всего геологическаго времени въ общемъ наблюдается движеніе впередъ въ біологической системѣ животныхъ и растительныхъ формъ, доказательствомъ чего могутъ служить нѣкоторыя характеристики ихъ ископаемыхъ остатковъ. Очевидность общаго прогресса служить лучшимъ показателемъ для измѣренія геологическаго времени въ общемъ, и главнымъ средствомъ для установленія порядка полной послѣдовательности условій, сопровождавшихъ образованіе осадочныхъ породъ на землѣ.

3. Хронологическія особенности, которыми обладают ископаемые, не несут какого либо спеціального характера; онѣ принадлежатъ къ тѣмъ же, на которыхъ основывается ихъ біологическая классификація; всѣ онѣ составляютъ результатъ прогрессивной и дифференціальной эволюціи.

4. Въ общемъ степень прогрессивной эволюціи для разныхъ отдѣловъ животнаго и растительнаго царствъ не была одинаковой для того и другаго во всѣхъ частяхъ свѣта и не была одинаковой для всѣхъ въ какой либо одной части свѣта въ продолженіи всего времени ихъ существованія.

5. Степени дифференціальной эволюціи между формами различныхъ подраздѣленій животнаго и растительнаго царствъ различны; у однихъ она больше или меньше, чѣмъ у другихъ. При чемъ при извѣстныхъ условіяхъ она была больше для однихъ членовъ даннаго подраздѣленія, чѣмъ при иныхъ условіяхъ для другихъ членовъ того же подраздѣленія.

6. Послѣдовательность постепенныхъ измѣненій въ развитіи руководящихъ систематическихъ чертъ, которыя характеризуютъ извѣстныя группы ископаемыхъ формъ, не всегда совпадаютъ съ послѣдовательностью во времени.

7. Прогрессъ въ вѣковомъ вымираніи видовъ и другихъ дѣленій животнаго и растительнаго царствъ, включая типы, которые спеціально характеризуютъ различныя ступени геологической лѣстницы, то былъ ускоряемъ неблагоприятными измѣненіями въ окружающихъ условіяхъ, то былъ замедляемъ продолжительностью благоприятныхъ условій. Окончательное вымирание формъ естественно было очень часто и, можетъ быть, происходило отъ катастрофическихъ измѣненій въ условіяхъ въ томъ ограниченномъ районѣ, въ которомъ онѣ сконцентрировались вслѣдствіе приближенія вѣковаго вымиранія.

8. Географическое распредѣленіе видовъ въ границахъ геологическихъ подраздѣленій обуславливалось естественными причинами, къ которымъ относится главное характерное для даннаго періода эволюціонное движеніе со всѣми его развѣтвленіями и въ то же время продолжающія существовать въ различныхъ районахъ разрозненныя, остаточныя вѣтви эволюцій прежнихъ геологическихъ эпохъ, пережившія время своего интенсивнаго эволюціоннаго движенія.

9. Животная и растительная жизнь на каждой ступени геологической лестницы въ общемъ отличалась отъ другихъ ступеней и каждая ступень имѣла свои характерные роды или болѣе частныя группы видовъ. Однако нѣтъ необходимости, чтобы эти роды или группы ограничивались какими либо абсолютными границами времени.

10. Хотя движенія и перемѣщенія земной коры происходили отъ времени до времени на обширныхъ районахъ ея поверхности, замедляя осажденіе породъ или мѣняя его характеръ и разрушая жизнь, однако никогда не было универсальной катастрофы; напротивъ, въ продолженіе всего времени, когда разрушительныя условія преобладали на данномъ пространствѣ, условія благоприятныя для существованія и продолженія жизни имѣли мѣсто въ другихъ и большихъ районахъ.

Какими бы путями ни шло развитіе на землѣ организмовъ, но важно то, что жизнь на землѣ со времени ея появленія не прекращалась, а лишь преемственно переходила въ тѣ или другія формы. При тѣсной зависимости всего организованнаго міра отъ физико-географическихъ условій, изъ указаннаго выше положенія о послѣдовательномъ и преемственномъ развитіи организмовъ во времени, слѣдуетъ, что и физико-географическія условія, господствующія теперь на землѣ также преемственно и послѣдовательно развивались во времени. Посмотримъ теперь, нельзя ли изъ порядка, въ которомъ животныя и растительныя остатки распределены въ земной корѣ въ вертикальномъ направленіи, т. е. во времени, вывести нѣкоторыя заключенія и о порядкѣ смѣнъ прежнихъ физико-географическихъ условій современными. — Кембрійскій организованный міръ исключительно морской; современный — дифференцированный на морской и континентальный. Слѣдовательно съ кембрійскаго времени на земной поверхности происходило послѣдовательное обособленіе океаническихъ пространствъ и континентальныхъ массивовъ. Понятно, что такое обособленіе должно было сопровождаться и измѣненіями въ организованномъ мірѣ т. е. обособленіемъ водныхъ и континентальныхъ организмовъ, а затѣмъ интенсивность въ измѣненіи физико-географическихъ условій въ морскихъ бассейнахъ и на континентахъ должна была выразиться и на степени измѣненія или эволюціи морскаго и континентальнаго организованныхъ міровъ. Разсматривая съ этой точки зрѣнія эволюціонное измѣненіе организмовъ, обратимся конечно прежде всего къ такимъ группамъ, представители которыхъ общи морямъ и конти-

нентамъ, и изъ нихъ выберемъ наилучше представленныхъ въ ископаемомъ состояніи. Возьмемъ съ одной стороны эволюціонное измѣненіе позвоночныхъ, а съ другой растений. Здѣсь мы встрѣтимся съ слѣдующимъ интереснымъ явленіемъ: по времени обособленія или по порядку появленія, всѣхъ позвоночныхъ можно поставить въ рядъ, а именно рыбы, земноводныя, пресмыкающіяся и млекопитающія, — каждый послѣдующій членъ котораго отличается отъ предыдущаго большею степенью приспособленія къ континентальнымъ условіямъ жизни, а въ параллель съ этимъ растительное царство по степени обособленія во времени отдѣльныхъ классовъ: водоросли, папоротникообразныя, голосѣмянныя и покрытосѣмянныя — указываетъ на приспособленіе и растительныхъ формъ къ болѣе континентальному климату. Совпаденіе исключительнаго развитія изъ позвоночныхъ — рыбъ съ господствомъ водорослей, господства амфибій съ преобладаніемъ папоротниковыхъ, эры пресмыкающихся съ громаднымъ преобладаніемъ голосѣмянныхъ и наконецъ одновременное господство покрытосѣмянныхъ съ господствомъ млекопитающихъ во многихъ отношеніяхъ знаменательное, несомнѣнно указываетъ на послѣдовательное развитіе на землѣ континентальныхъ условій жизни и въ зависимости отъ этого согласное развитіе на сушѣ растительнаго и животнаго царствъ. Если при этомъ вспомнить, что развитіе отдѣльныхъ растительныхъ группъ всегда нѣсколько опережало развитіе соотвѣствующихъ животныхъ группъ, то можно заключить о большей отзывчивости и подвижности въ эволюціи растительнаго міра и зависимости отъ нея измѣненій въ эволюціонномъ движеніи животныхъ. Чтобъ судить объ интенсивности эволюціоннаго движенія континентальныхъ организмовъ, этихъ показателей физико-географическихъ условій на сушѣ — сравнимъ континентальную эволюцію съ океаническо-морскою. — Съ кембрійскаго времени на сушѣ развивались до 8 классовъ растений (*Filicinae*, *Equisetinae*, *Lycopodinae*, *Cycadeae*, *Coniferae*, *Gnetaeae*, *Monocotyledones*, *Dicotyledones*) и до 4 классовъ позвоночныхъ (*Amphibia*, *Reptilia*, *Aves*, *Mammalia*), тогда какъ результаты океанической эволюціи не заходили за предѣлы классовъ, выражаясь въ образованіи новыхъ отрядовъ, семействъ, родовъ и т. д. Наиболѣе подробно изслѣдованы эволюціи иглокожихъ, брахіоподъ, цефалоподъ и рыбъ. Первые два въ древнѣйшія времена были представлены гораздо обширнѣе, чѣмъ въ на-

стоящее время, которое можетъ считаться эпохою ихъ угасанія. Эти обитатели морского дна, столь обильныя въ палеозойское и мезозойское время, теперь только доживаютъ свой вѣкъ. Цефалоподы и рыбы съ одинаковою интенсивностью прошли всѣ эры, но претерпѣли существенное измѣненіе, заключающееся въ томъ, что изъ животныхъ мало подвижныхъ съ внѣшнимъ известковымъ скелетомъ вырабатываются шагъ за шагомъ формы съ внутреннимъ известковымъ скелетомъ, служащимъ надежною опорой для мягкаго тѣла, снабженнаго самыми усовершенствованными органами плаванія. Эти формы слѣдовательно постепенно вырабатываютъ особенности для жизни въ верхнемъ слое воды т. е. для пелагического образа жизни. Не можетъ-ли это служить основаніемъ къ предположенію, что однимъ изъ стимуловъ эволюціи морскихъ организмовъ служило сокращеніе того пояса океаническаго дна, который болѣе всего удобенъ для жизни организмовъ. Что происходило вообще сокращеніе океановъ на счетъ обособленія материковъ, это вытекаетъ изъ предыдущаго положенія о послѣдовательномъ развитіи на землѣ континентальныхъ физико-географическихъ условій, т. е. формированіи континентовъ; но при постоянствѣ на землѣ воды, необходимо допустить, что поднятіямъ, обусловившимъ обособленіе материковъ, соотвѣтствовали эквивалентныя углубленія въ океанахъ. Такимъ образомъ прежде однообразное морское дно, заселенное на громадномъ пространствѣ, дифференцируется съ одной стороны на глубинныя пространства, а съ другой на прибрежныя, отличныя по распредѣленію свѣта и тепла отъ первичнаго океана. Служивающійся поясъ интенсивнаго распредѣленія организмовъ, посылая своихъ піонеровъ частью въ прибрежныя области, частью въ абиссальныя, частью въ пелагическія, по своимъ физико-географическимъ условіямъ, измѣняется сравнительно незамѣтно, то расширяясь въ одной мѣстности, то суживаясь въ другой, какъ увидимъ далѣе, вслѣдствіе неравномѣрнаго движенія земной коры.—Только большей медленностью въ измѣненіяхъ физико-географическихъ условій въ океанахъ можно объяснить болѣе медленную и послѣдовательную эволюцію морскихъ организмовъ сравнительно съ континентальными. Вслѣдствіе большей скорости и интенсивности, континентальная эволюція далеко не всегда совпадала съ океанической, обыкновенно опережая ее, такъ что можно указать на примѣры, когда при мало измѣнившемся обликѣ морского организованнаго

міра, наземно-континентальний органічний мір' успѣлъ уже пріобрѣсти черты, сближающія его съ организмами послѣдующаго геологическаго періода. Наиболѣе рѣзко такіе случаи выступаютъ на границѣ эр' палеозойской съ мезозойской, когда въ пермское, а особенно въ верхне-пермское время, океанический организованный мір' остается палеозойскимъ, а развитіе рептилій и высшихъ формъ растений на континентахъ говоритъ за рѣзко выраженныя мезозойскія черты. Тотъ же случай мы имѣемъ и на границѣ мезозойской эры съ кайнозойской: въ моряхъ верхне-мѣлового времени, заканчивающаго мезозойскую эру, живетъ еще мезозойскій организованный мір', а на континентахъ развивается и прѣсноводная фауна моллюсковъ и растенія типа, свойственнаго послѣдующей эрѣ.

Морской организованный мір' менѣе интенсивно измѣнялся нежели континентальный; не можетъ ли это обстоятельство служить указаніемъ на болѣе мягкое измѣненіе физико-географическихъ условій въ океанахъ сравнительно съ континентами; но въ виду совмѣстнаго измѣненія организмовъ въ обѣихъ средахъ можно заключить о существованіи общей причины, производящей болѣе интенсивныя измѣненія на сушѣ нежели въ океанѣ, при чемъ на сушѣ результаты измѣненій становятся скорѣе осязательными, чѣмъ въ океанахъ и моряхъ. При этомъ невольно приходится задать себѣ вопросъ: эволюціонное движеніе, въ которомъ всегда находился и находится организованный мір', всегда ли совершалось съ одинаковою интенсивностью, или интенсивность измѣненій въ прежнія времена была болѣе рѣзкою чѣмъ теперь или, можетъ быть, нѣтъ никакой системы въ его измѣненіи. На эти вопросы опять таки мы находимъ нѣкоторые отвѣты въ способѣ и порядкѣ распредѣленія организмовъ въ вертикальномъ направленіи. Мощность слоевъ хотя и не всегда, но въ общемъ соотвѣтствуетъ продолжительности ихъ отложенія. Если какой либо слой или свита слоевъ содержитъ въ разныхъ своихъ горизонтахъ одну и ту же фауну и флору, то можно сказать, что во все время отложенія этого слоя физическія условія въ данномъ мѣстѣ оставались безъ измѣненія. Чѣмъ мощнѣе или толще такой слой или свита слоевъ, тѣмъ болѣе продолжительное время оставались неизмѣненными физико-географическія условія въ данномъ мѣстѣ. Разматривая съ этой стороны кембріійскія отложенія мы встрѣчаемся съ интереснымъ фак-

томъ замѣчательнаго однообразія въ вертикальномъ распредѣленіи фауны. Несмотря на то, что кембрі́йская система по мощности, а слѣдовательно и по своей продолжительности превосходитъ всѣ послѣдующія системы, въ ней можно различать только три яруса, отличающихся по послѣдовательной смѣнѣ трехъ родовъ трилобитовъ одинъ за другимъ. Тоже сравнительное однообразіе въ распредѣленіи фауны въ вертикальномъ направленіи, хотя и въ меньшей степени, наблюдается и въ отложеніяхъ всѣхъ палеозойскихъ системъ, но за то, уже съ мезозойскаго времени, въ общемъ толщина ярусовъ, а вмѣстѣ съ нею и продолжительность ихъ все болѣе и болѣе уменьшается, а потому мезозойскія системы расчленены въ вертикальномъ направленіи на большее число дѣлений, нежели палеозойскія. Отсюда можно заключить, что эволюціонное движеніе въ мезозойское время совершалось болѣе энергично нежели въ палеозойское. Впрочемъ это можно вывести и изъ того положенія, что палеозойская группа въ 4 раза (Дана) превосходящая по мощности осадковъ, а слѣдовательно и по продолжительности мезозойскую, заключаетъ только пять большихъ смѣнъ организованныхъ міровъ, тогда какъ мезозойская — три, такъ что несомнѣнно, что въ палеозойское время смѣна организованныхъ міровъ другъ другомъ шла медленнѣе, чѣмъ въ мезозойское.

Но если эволюціонное измѣненіе организмовъ на землѣ совершалось въ общемъ такъ сказать ускорительно во времени, то спрашивается совершалось ли оно постепенно и послѣдовательно, или же періоды относительнаго покоя смѣнялись періодами интенсивнаго измѣненія. Хотя большая часть системъ связаны переходами и неизвѣстныя пока переходныя отложенія между нѣкоторыми смежными системами рано или поздно будутъ найдены, тѣмъ не менѣе большинство системъ обнимаютъ собою періоды относительно спокойнаго развитія организмовъ, которые смѣнялись короткими сравнительно промежутками весьма интенсивной эволюціи, чтобъ затѣмъ снова продолжать въ теченіе слѣдующей уже эпохи послѣдовательное спокойное движеніе впередъ. Такіе переходы особенно быстрой смѣны организмовъ повидимому происходили на границахъ палеозойской эры съ мезозойской и этой послѣдней съ кайнозойской.

Такимъ образомъ движеніе въ измѣненіи организованнаго міра имѣетъ характеръ прогрессивный, ускорительный, но съ чередованіемъ періодовъ относительнаго покоя съ періодами энергичнаго и быстра-

го эволюціоннаго движенія. Мы впослѣдствіи обратимся еще къ этому вопросу и посмотримъ, можетъ-ли такой характеръ эволюціоннаго движенія въ организованномъ мірѣ найти себѣ аналогію въ эволюціи физико-географическихъ условій на земномъ шарѣ; теперь только упомянемъ, что, выходя изъ положенія о тѣсной зависимости организованнаго міра отъ физико-географическихъ условій, надо было бы предположить, что и эволюція этихъ послѣднихъ на земной поверхности, которая, какъ мы уже сказали раньше, все время была направлена къ ихъ дифференцировкѣ, должна была совершиться по аналогіи съ эволюціей организованнаго міра, прогрессивно, послѣдовательно, ускорительно, съ періодами относительнаго спокойнаго движенія, смѣнявшимися короткими промежутками очень быстрого и энергичнаго измѣненія.

Чтобы имѣть возможность судить болѣе детально о направленіи, въ которомъ измѣнялись физико-географическія условія на землѣ во времени, необходимо составить хотя общее понятіе о послѣдовательной смѣнѣ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ по геологическимъ періодамъ.

Главнымъ пособникомъ для реставраціи распредѣленія наземныхъ и водныхъ пространствъ, климатическихъ и физико-географическихъ условій, — служитъ сопоставленіе способа горизонтальнаго распредѣленія организмовъ на землѣ съ измѣненіями земнаго рельефа въ разные моменты геологической исторіи земли. Одновременность отложеній обыкновенно опредѣляется по сходству организованныхъ остатковъ преимущественно морскихъ, ибо морской организованный міръ, вслѣдствіе своего обилія, громадныхъ площадей его распространенія, сравнительно спокойнаго и постепеннаго измѣненія, благоприятныхъ условій накопленія и сохраненія морскихъ осадковъ, оставилъ намъ наибольшее количество преимущественно измѣнявшихся организмовъ, которыхъ можно связать въ длинную цѣпь формъ, идущихъ отъ современнаго намъ періода въ глубь временъ и теряющуюся за нижними предѣлами кембрійскаго времени. По высотѣ организаціи разныхъ звеньевъ этой цѣпи, по сходству однозначущихъ фаунъ и флоръ (принадлежащихъ къ опредѣленнымъ средамъ) можно опредѣлить одновременность осадковъ земной коры въ различныхъ мѣстностяхъ земнаго шара и такимъ образомъ составить понятіе о географическомъ распредѣленіи организмовъ въ различные геологическіе періоды. Опредѣливъ границы горизонтальнаго распространенія морскихъ и континентальныхъ организмовъ въ дан-

ную эпоху, можно намѣтить очертаніе водныхъ и наземныхъ пространствъ и различать въ нихъ біологическія области, провинціи и фаціи. Этотъ способъ въ связи съ стратиграфическими данными о характерѣ дислокацій, въ прежде отложившихся горныхъ породахъ, даетъ возможность судить о степени расчлененія въ данную эпоху земной поверхности и о характерѣ физико-географическихъ условій въ разныхъ широтахъ земнаго шара, а сопоставляя полученные данныя въ хронологическомъ и послѣдовательномъ порядкѣ, можно будетъ получить представленіе о послѣдовательно преемственномъ измѣненіи физико-географическихъ условій на землѣ въ прежнія геологическія времена.

Самый древній извѣстный намъ кембрійскій организованный міръ, въ числѣ многихъ своеобразныхъ чертъ, отличается исключительнымъ составомъ изъ морскихъ организмовъ, замѣчательнымъ однообразиемъ въ горизонтальномъ распредѣленіи при громадномъ, можно сказать, всесвѣтномъ географическомъ распространеніи и характеромъ фауны, ближе всего подходящей по общему облику къ фаунѣ небольшихъ глубинъ теперешнихъ океановъ; съ этимъ вполне согласуется и болѣею частью однообразный характеръ породъ, почти исключительно состоящихъ изъ сланцевъ, рѣже песчаниковъ и конгломератовъ и въ очень рѣдкихъ случаяхъ известковыхъ отложеній. При всей громадности и универсальности кембрійскаго океана, среди него можно намѣтить, собственно по распредѣленію пребрежныхъ обломочныхъ породъ (песчаниковъ, конгломератовъ) очертаніе одного большого палеарктическаго континента, занимавшаго Канаду, Шотландію, Скандинавію съ Финляндіей, сѣверо-западную часть Олонецкой губ. и сѣверныя окраины Азіи, съ мощною цѣлью горъ, такъ называемыхъ гуронскихъ, о высотѣ которыхъ могутъ говорить огромныя толщи обломочныхъ породъ, снесенныхъ потоками съ этого края и отложившихся въ прибрежьяхъ названнаго материка. На югъ отъ этой суши начинался обширный океанъ, съ выходящими на поверхность островами: южно-русскій (Волынская, Кіевская и Екатеринославская губ.), Богемскія горы, центрально-французскій, и можетъ быть, между нѣкоторыми другими островами, были уже намѣчены массивы, послужившіе потомъ основою для континентальныхъ пространствъ Южной-Америки, центральной Африки и пр. Но однообразное распредѣленіе кембрійской фауны на всей земной поверхности, указывая въ общемъ на открытый характеръ кем-

брийскаго океана, на одинаковыя климатическія условія во всѣхъ широтахъ земного шара, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что континентальныя пространства не играли существенной роли въ географическомъ распредѣленіи морскихъ организмовъ, какъ это наблюдается въ настоящее время. Можетъ быть даже однообразное универсальное распредѣленіе организмовъ въ кембрийскомъ океанѣ зависѣло отъ относительно меньшей глубины его въ сравненіи съ послѣдующими и теперешними океанами, что само собой вытекаетъ, если принять во вниманіе, что водная оболочка, при количествѣ воды, остававшемся всегда одинаковымъ на земной поверхности, занимая въ кембрийское время большую площадь, должна была уменьшиться въ толщинѣ или глубинѣ.

Въ продолженіе слѣдующаго силурійскаго періода, мы встрѣчаемся съ послѣдующимъ развитіемъ кембрийскаго организованнаго міра, который здѣсь богато представленъ окаменѣlostями. Все то же господство морскихъ организмовъ, сходство фауны крайне отдаленныхъ мѣстностей и отсутствіе зависимости между горизонтальнымъ распредѣленіемъ организмовъ и широтою мѣста говорить въ пользу того, что физико-географическія условія не много измѣнились въ сравненіи съ кембрийскими. Въ силурійское время мы впервые встрѣчаемся съ коралловыми рифами, которые, если брать аналогію изъ настоящаго времени, могутъ дать указанія на климатъ силурійскаго времени. Какъ извѣстно, нынѣ живущіе полипы возводятъ свои постройки при средней температурѣ морской воды отъ 25—30 градусовъ Ц., каковымъ условіемъ въ настоящее время удовлетворяетъ узкій поясъ по обѣ стороны экватора, не далѣе 28—30 градусовъ сѣверной и южной широты. Между тѣмъ въ силурійское время кораллы возводили свои постройки въ гораздо болѣе сѣверныхъ широтахъ (Готландъ, Канада), а потому можно предполагать, что климатическія условія теперешняго тропическаго пояса далеко заходили за его современные предѣлы. Однако въ силурійское время въ сравненіи съ кембрийскимъ наблюдаются и многія измѣненія, выразившіяся, какъ въ дифференцировкѣ океаническаго дна, въ обособленіи здѣсь зоологическихъ фацій въ зависимости отъ глубины, такъ равно и въ нѣкоторомъ обособленіи двухъ зоогеографическихъ областей, одной болѣе универсальной, типично выраженной на сѣверѣ Европы и Америки и потому называемой сѣверной, и другой меньшей—южной, занимавшей южную Европу съ Средиземнымъ моремъ и типично выраженной

въ Богеміи. Различіе между этими областями можетъ быть объяснено существованіемъ промежуточной суши. Въ силурійское время мы впервые встрѣчаемся со слѣдами наземнаго организованнаго міра, который выраженъ немногими находками скорпіоновъ, многоножекъ, насѣкомыхъ, а въ самомъ концѣ этого періода стали извѣстны и наземныя растенія изъ плауновыхъ. Что касается распредѣленія суши, то на основаніи распространенія силурійскихъ осадковъ, можно предполагать, что послѣ ряда измѣненій въ соотношеніяхъ между моремъ и сушей вѣроятно произошло приращеніе этой послѣдней преимущественно на тѣхъ основныхъ ея массахъ, которыя уже обозначились въ кембріійское время: сѣверный материкъ увеличился полосой земли въ видѣ такъ называемой „Каледонской Цѣпи“ (Зюссъ), а въ Сѣверной Америкѣ обозначились въ видѣ острововъ Апаллахскія и Калифорнскія горы, и можетъ быть, еще рѣзче были намѣчены въ экваторіальной области тѣ основанія, вокругъ которыхъ развились затѣмъ материковыя пространства.

Вторая половина палеозойской эры девонская, каменноугольная и пермская системы—съ самаго своего начала отличается первымъ значительнымъ появленіемъ, а затѣмъ, съ каменноугольнаго времени быстрымъ, обильнымъ и послѣдовательнымъ развитіемъ континентальнаго организованнаго міра и въ частности растительнаго царства. Какъ указано выше и на силурійскихъ материкахъ несомнѣнно существовала органическая жизнь. Но жалкія остатки ея найдены въ морскихъ отложеніяхъ, т. е. во вторичномъ мѣстонахожденіи, тогда какъ въ девонское время мы встрѣчаемся уже съ наземными растеніями и животными, погребенными на самомъ мѣстѣ, гдѣ они росли и жили, среди континентальныхъ прѣсноводныхъ отложений. До сихъ поръ мы судили только о распредѣленіи морей по положительнымъ признакамъ, т. е. по нахожденію осадковъ съ морскими окаменѣлостями и отсюда уже выводили сужденія объ очертаніи и положеніи материковъ; начиная же съ девонскаго времени, мы имѣемъ положительные признаки материковъ, главнымъ образомъ въ видѣ озерныхъ песчаныхъ отложений, такъ называемаго древняго краснаго пѣсчаника, развитаго по окраинамъ упомянутаго выше палеарктическаго материка — въ Канадѣ, Ирландіи, Шотландіи, Остзейскихъ провинціяхъ, Псковской, С.-Петербургской, Олонецкой, Архангельской (Усть-Пинега) и можетъ быть въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Сибири.

Особенно важное значеніе материковыя отложенія приобрѣтають въ каменноугольное и пермское время. Обильныя растенія каменноугольнаго періода, а равно растенія вмѣстѣ съ моллюсками, амфибіями и рептиліями пермскаго времени впервые даютъ возможность судить о распространеніи, сходствѣ и различіи материковыхъ отложеній, даютъ слѣдовательно возможность составить понятіе, уже на основаніи положительныхъ признаковъ, объ очертаніи, соединеніи, разъединеніи и расчлененіи материковыхъ пространствъ. Если принять во вниманіе тѣсную зависимость растеній отъ климатическихъ условій, то можно составить себѣ понятіе объ этихъ послѣднихъ. Такъ, изученіе каменноугольной флоры привело (Crisé) къ тому убѣжденію, что въ каменноугольное время существовало равномерное распредѣленіе на земной поверхности теплоты, что средняя температура воздуха на земномъ шарѣ была отъ 25 до 30°, климатъ всюду былъ однообразный, что существовало обиліе свѣта и составъ атмосферы была нѣсколько иной. Къ этому нѣкоторые прибавляютъ, что въ атмосферѣ было обильное содержаніе угольной кислоты, водяныхъ паровъ и давленіе ея было большее, чѣмъ теперь. Въ пользу болѣе равномернаго распредѣленія тепла и болѣе широкаго пояса распространенія тропическаго зноя, говоритъ также нахожденіе коралловыхъ рифовъ въ сѣверныхъ широтахъ теперешняго умѣреннаго климата. Хотя въ началѣ каменноугольнаго періода дѣйствительно наблюдается крайне однообразное распредѣленіе растеній въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ земнаго шара, но уже въ концѣ каменноугольнаго времени и въ пермское время можно наблюдать двѣ, рѣзко выраженные, фитологическія области: одну сѣверную, расположенную на окраинахъ упомянутаго палеарктическаго континента, и другую южную—расположенную у экватора на громадномъ материкѣ, обособившемся къ концу каменноугольнаго времени, и непрерывно простиравшемся въ пермское время изъ Бразиліи чрезъ Атлантическій океанъ въ центральную и южную Африку, Мадагаскаръ, Индійскій океанъ, Индію и Австралію. Этотъ южный материкъ, отличавшійся и по флорѣ и фаунѣ отъ палеарктическаго материка, отдѣлялся отъ него громаднымъ океаномъ, который въ видѣ рукава первичнаго океана, сократившагося приблизительно въ предѣлахъ теперешняго тихоокеаническаго пространства, простираясь отъ Тимора и Суматры чрезъ южную Азію къ Пенджабу и отсюда къ теперешнему Средиземному морю съ прибрежными частями сѣв. Африки и Альпъ, заходилъ

главную свою часть въ восточную и сѣверную Россію и далѣе далеко на сѣверъ къ теперешнему Ледовитому океану. Этотъ средиземный океанъ, омывавшій слабо извилистое побережье южнаго материка, съ другой стороны простирался къ сѣверу, неправильно врѣзываясь въ побережье палеарктическаго материка, образуя здѣсь множество, далеко вдававшихся въ материкъ, морей, заливовъ, лагунъ, смѣнявшихся ближе къ континенту внутренними морями, озерами и пр. на подобіе того, какъ теперь Атлантическій океанъ изрѣзываетъ и расчленяетъ сѣверо-западное побережье Европы. Поднятіе земной коры, происходившее въ каменноугольно-пермское время въ сѣверномъ полушаріи, выразившееся образованіемъ въ Сѣверной Америкѣ Аппаллахскихъ горъ, а въ Европѣ Уральскаго хребта и приращеніемъ палеарктической суши черезъ образованіе древней Герцинской цѣпи горъ (Бертранъ), простиравшейся черезъ Бретань, центральное французское плато, Вогезы, Арденны, Шварцвальдъ къ Богемскому массиву, обуславливало расчлененіе южныхъ прибрежныхъ мѣстностей палеарктическаго материка, который то опускался, то поднимаясь на своихъ окраинахъ, въ общемъ къ самому концу палеозойскаго времени получилъ громадное приращеніе какъ въ Сѣверной Америкѣ, такъ и въ Европѣ—въ послѣдней главнымъ образомъ на счетъ той вѣтви средиземнаго океана, которая занимала всю восточную половину Россіи. Такимъ образомъ, въ концѣ пермскаго времени вся Европейская Россія отъ Урала и до Финляндіи, была непосредственною частью палеарктическаго материка, сначала на восточной окраинѣ, на мѣстѣ прежняго моря, покрытою громадными прѣсноводными и солоноватоводными бассейнами, а затѣмъ осушившеюся.

И такъ, прежній древне-палеозойскій болѣе или менѣе универсальный первичный океанъ къ второй половинѣ палеозойской эры, вслѣдствіе роста палеарктическаго и обособленія южнаго материковъ, сосредоточился главнымъ образомъ на пространствѣ, приблизительно соответствующемъ теперешнему Тихому океану, откуда онъ посылалъ одну громадную средиземную вѣтвь, т. е. средиземный океанъ, раздѣлявшій два обособленныхъ континента: палеарктическій и южный, и другую вѣтвь къ сѣверному полюсу, образующую сѣверный океанъ. Тѣ громадныя колебанія земной коры, которыя, какъ видно изъ предыдущаго, имѣли мѣсто въ концѣ палеозойской эры, не могли не имѣть вліянія на измѣненія физико-географическихъ условій на земной поверх-

ности и вмѣстѣ съ тѣмъ на измѣненіе и организованнаго міра. Такъ, приращеніе материковъ можетъ быть поставлено въ связь съ громаднымъ развитіемъ растительности особенно въ каменноугольное время, а интенсивность горообразовательныхъ процессовъ можетъ быть связана съ быстрымъ и интенсивнымъ эволюціоннымъ движеніемъ, проявившимся въ организованномъ мірѣ на границѣ палеозойскаго времени съ мезозойскимъ и закончившимся быстрой эволюціей палеозойскихъ организмовъ въ мезозойскіе.

Къ концу палеозойской эры мы застаемъ земную поверхность съ такимъ распредѣленіемъ воды и суши, которое говоритъ за обособленіе двухъ громадныхъ континентовъ—палеарктическаго и южнаго, раздѣленныхъ въ широтномъ направленіи еще остатками древняго первичнаго океана—въ видѣ средиземнаго океана. Этому океану Мойсевичъ даетъ названіе—Тетисъ (Tethys).

Названный океанъ на востокъ соединяется съ другимъ остаткомъ первичнаго океана, который находился на мѣстѣ теперешняго Тихаго океана между восточною (Австралія, Новая Зеландія) и западною (южная Америка) окраинами южнаго континента и отсюда вѣроятно далеко врѣзывался на сѣверъ въ палеарктическій континентъ и соединялся съ сѣвернымъ океаномъ. Если есть основаніе полагать, что палеарктическій континентъ, вѣроятно въ древне-палеозойское время сплошною массою занимавшій все околополюсное пространство, сталъ уже съ сѣвера затопляться проникающей на сѣверъ вѣтвью Тихаго океана, то судьба южнаго полюса намъ совершенно еще неизвѣстна. Невольно приходится задаться вопросомъ, какъ въ концѣ палеозойскаго времени обособился южный материкъ: произошелъ ли онъ отъ поднятія земной коры въ экваторіальныхъ южныхъ широтахъ, или же по аналогіи съ послѣдовательнымъ увеличеніемъ палеарктическаго континента, появленіе его у экватора есть результатъ разрастанія въ сторону экватора южнаго полярнаго материка. Можетъ быть и здѣсь въ концѣ палеозойской эры Тихій океанъ проникаетъ къ южному полярному кругу и ограничиваетъ со стороны этого круга южный континентъ. Если это такъ, то въ общемъ картина земнаго рельефа въ концѣ палеозойскаго времени будетъ такая: Тихій океанъ, обособившійся въ это время въ видѣ кольцевой впадины, вытянутой въ меридіанальномъ направленіи носылаетъ отъ себя въ широтномъ направленіи 3 вѣтви, одну среди-

земную—Тетисъ, раздѣляющую названныя материки въ широтномъ направленіи и другія двѣ полярныя вѣтви—сѣверную и южную, омывающія эти материки съ сѣвера и юга. Было ли соединеніе этихъ двухъ континентовъ другъ съ другомъ? Рядъ ископаемыхъ формъ общихъ пермскому матерiku Россіи и южному континентальному пространству говоритъ за возможность соединенія, вѣроятно чрезъ рядъ острововъ, а можетъ быть и перешейка, соединявшаго индійскую часть южнаго материка съ уральскою частью сѣвернаго континента. Это соединеніе палеарктическаго и южнаго материковъ несомнѣнно имѣло громадное вліяніе на эволюцію организованнаго міра вслѣдствіе смѣшенія континентальныхъ фаунъ двухъ областей, остававшихся обособленными въ теченіе по крайней мѣрѣ всей первой половины палеозойской эры, и должно быть принято во вниманіе при объясненіи причинъ мезозойской эволюціи континентальныхъ организмовъ. Нужно помнить при этомъ весьма интересный фактъ развитія на южномъ континентѣ еще въ палеозойское время флоры, сходной съ той, которая на сѣверномъ континентѣ появилась только въ мезозойское время. Поэтому весьма вѣроятно, что мезозойскій континентальный организованный міръ сѣвернаго материка во многихъ случаяхъ беретъ свое начало отъ палеозойскихъ предковъ южнаго континента.

Послѣ указаннаго выше очертанія материковъ и океаническихъ пространствъ, не трудно себѣ представить, что Атлантическаго океана въ теперешнемъ его видѣ не существовало: сѣверная его часть была занята палеарктическимъ материкомъ, простиравшимся отъ Канады, черезъ Гренландію къ Скандинавіи, а южная была занята частью южнаго континентальнаго пространства, соединявшаго Америку съ Африкою.

Впродолженіе всей мезозойской эры организованный міръ измѣняется съ упорною настойчивостью и замѣчательною послѣдовательностью. Распределеніе организмовъ на земной поверхности позволяетъ намѣтить въ это время не только отдѣльныя зоогеографическія области въ зависимости отъ распределенія суши и морей, не только въ этихъ послѣднихъ отдѣльныя фаціи въ зависимости отъ глубины и замкнутости бассейновъ, но и установить зависимость между распределеніемъ организмовъ на земномъ шарѣ и широтою мѣста; эта послѣдняя даетъ возможность намѣтить климатическія зоны въ самыхъ общихъ чертахъ въ триасѣ и болѣе детально въ юрское время. Такимъ образомъ въ

мезозойское время вполне обособляется третій агентъ, обуславливавший неравномѣрное распредѣленіе на земной поверхности организмовъ — это различіе климатовъ. О границахъ климатическихъ зонъ въ юрское время можно судить по распредѣленію морскихъ организмовъ: такихъ зонъ съ большей или меньшей достовѣрностью насчитываютъ три: сѣверную, умѣренную и тропическую. Отсутствіе въ сѣверной зонѣ строящихся коралловъ въ тѣхъ сѣверныхъ широтахъ, въ которыхъ они жили во время палеозойской эры, говоритъ въ пользу того, что обособленіе климатическихъ зонъ сопровождалось нѣкоторымъ пониженіемъ температуры и суживаніемъ пояса съ жаркимъ климатомъ. Хотя область распространенія коралловыхъ рифовъ и отодвинулась къ югу, но сѣверныя ея предѣлы еще достигали такихъ широтъ (Англія), въ которыхъ въ настоящее время ихъ обитаніе не возможно по причинѣ низкой средней температуры. Распредѣленіе растений и коралловъ говоритъ въ пользу того, что, при нѣкоторомъ пониженіи температуры, особенно замѣтномъ въ сѣверныхъ и умѣренныхъ широтахъ, тѣмъ не менѣе средняя температура была гораздо выше послѣдующаго третичнаго періода и современнаго намъ вѣка. Въ то время, какъ въ океанахъ и моряхъ совершалась повсюду самая послѣдовательная и очень быстрая эволюція, на континентахъ она идетъ нѣсколько иначе. На сѣверномъ палеарктическомъ континентѣ Европы организованный міръ претерпѣлъ весьма значительное измѣненіе въ сравненіи съ палеозойскимъ временемъ, тогда какъ на южномъ континентѣ идетъ весьма послѣдовательно, сравнительно болѣе медленно, развитіе того организованнаго міра, который здѣсь существовалъ и въ палеозойское время. Такой ходъ органической эволюціи можетъ быть поставленъ въ связь съ мезозойской эволюціей земнаго лика: болѣе интенсивное измѣненіе организованнаго міра на сѣверномъ континентѣ въ сравненіи съ южнымъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что процессы дислокаціи, опусканій и поднятій главнымъ образомъ сосредоточились на сѣверномъ полушаріи, тогда какъ южный континентъ не подвергался такимъ измѣненіямъ, сохранивъ до настоящаго времени горизонтальное напластованіе многихъ породъ, и всѣ измѣненія на немъ организованнаго міра зависѣли отъ отдѣленія отъ него нѣкоторыхъ частей и вѣроятнаго соединенія нѣсколькихъ участковъ южнаго материка съ сѣверными континентальными пространствами.

Начиная съ мезозойскаго времени, реставрація древнихъ материковъ и морей становится менѣе гипотетичною, но за то увеличивается трудность передачи даже въ существенныхъ чертахъ общей схемы измѣненія физико-географическихъ условій и рельефа земной поверхности. Поэтому ограничимся только указаніями, что въ мезозойское время совершается съ одной стороны рядъ поднятій земной коры въ области теперешнихъ Альпъ, обусловившихъ вѣроятно большія трансгрессіи Тетисъ-океана особенно въ верхнеюрское и верхнемѣловое время, выразившіяся въ затопленіи сѣверныхъ частей Африки, Западной Европы и даже временнымъ соединеніемъ Тетиса съ Ледовитымъ океаномъ и съ другой стороны существовали колебанія земной коры въ Азій и въ области Андъ, вѣроятно имѣвшія вліяніе на очертаніе Тихаго океана; наконецъ необходимо упомянуть о рядѣ опусканій въ области южнаго материка, — на мѣстѣ теперешняго Индійскаго океана, что обусловило его образованіе, и отдѣленіе Австраліи отъ Индо-Африки ¹⁾.

Образованіе Индійскаго океана и дислокаціи въ области Тихаго вѣроятно повели къ сокращенію древняго Тетиса, которое, начавшись съ мезозойскаго времени, продолжалось и далѣе въ теченіи кайнозойской эры.

Третичный періодъ, не смотря на свою кратковременность, отличается наиболѣе интенсивнымъ развитіемъ организованнаго міра, особенно континентальнаго. Мы не ошибемся, если скажемъ, что распространеніе организмовъ на земной поверхности мало уступало по своей сложности теперешнему ихъ распредѣленію, при чемъ континентальный организованный міръ былъ богаче и разнообразнѣе современнаго. Въ этотъ періодъ наблюдаются уже вполне опредѣленные климатическія зоны, при чемъ въ началѣ періода, можно указать на существованіе болѣе высокой средней температуры, нежели теперь въ соответствующихъ широтахъ. Въ древнетретичное время мы застаемъ на земной поверхности болѣе однообразное распространеніе организмовъ нежели въ концѣ его. На сѣверныхъ окраинахъ нашего полушарія можно встрѣтиться съ формами, живущими теперь въ болѣе умѣренныхъ широтахъ, а въ мѣстностяхъ, принадлежащихъ теперь къ умѣренной зонѣ

¹⁾ Эта суша простиралась отъ Индіи къ Африкѣ чрезъ такъ называемую Лемурию.

жили организмы, свойственные теперешнему жаркому климату, зона которого в продолжение третичного времени все болѣе и болѣе суживалась, пока наконецъ не установилось современное распредѣленіе климатовъ. Это положеніе, выведенное главнымъ образомъ по распредѣленію растительныхъ формъ, подкрѣпляется аналогіями изъ распространенія морскихъ организмовъ и особенно коралловъ. При несомнѣнной преемственности третичного организованнаго міра, доказанной обособленіемъ въ концѣ мѣлового времени ряда формъ съ чертами, свойственными третичному періоду, тѣмъ не менѣе третичные организмы отличаются отъ мѣловыхъ гораздо рѣзче, чѣмъ фауны и флоры другихъ какихъ либо смежныхъ системъ. Кратковременность эволюціи мѣлового міра въ третичный можетъ быть поставлена въ связь съ грандіозными измѣненіями физико-географическихъ условій, имѣвшими мѣсто на границѣ этихъ системъ, а быстрая эволюція третичныхъ организмовъ—съ интенсивнымъ продолженіемъ ихъ въ теченіи всего этого періода. Вся исторія третичнаго періода, какъ въ отношеніи организованнаго міра такъ и въ отношеніи смѣны физико-географическихъ условій, сводится къ постепенному приближенію къ настоящему времени. Несмотря на то, что преобразование третичныхъ условій земной поверхности и жизни на ней въ современныя шло очень сложными путями, но и здѣсь можно замѣтить нѣсколько основныхъ причинъ, обусловившихъ данное эволюціонное движеніе. Никогда еще земная кора не испытывала столь грандіозныхъ колебаній, какъ въ третичное время. Самыя высокія нынѣшнія горныя цѣпи поднялись изъ подъ уровня океановъ именно въ третичное время и какъ-бы для равновѣсія съ этими поднятіями произошли опусканія, обусловившія въ основныхъ чертахъ, какъ дальнѣйшее расчлененіе первичныхъ основныхъ сѣверныхъ и южныхъ материковъ, такъ равно и соединеніе разрозненныхъ частей южнаго материка съ участками сѣвернаго. Вслѣдствіе разобщенія материковыхъ пространствъ и соединенія между собою частей суши, принадлежавшихъ раньше двумъ разнымъ материкамъ, происходитъ усиленный обмѣнъ населенія сплотившихся областей, что не могло не вести за собою усиленіе эволюцій вслѣдствіе такого смѣшенія организмовъ. Въ общемъ, главныя перемѣщенія земной коры въ третичный періодъ, сводятся къ области указаннаго выше средиземнаго Тетисъ-океана. Еще въ началѣ третичнаго времени его размѣры близки къ тѣмъ, которыми онъ обла-

далъ въ мезозойское время. Въ эоценѣ онъ продолжался отъ Атлантическаго океана чрезъ современное Средиземное море далеко на востокъ въ Туркестанъ и достигалъ Гоби и Ярканда. Въ началѣ второй половины третичнаго періода (первый Средиземный ярусъ) онъ прорѣзывалъ еще Малую Азію и достигалъ Персіи. Наконецъ слѣды соединенія Тетиса теряются и тогда начинаются послѣдніе акты въ исторіи современнаго Средиземнаго моря, которое вмѣстѣ съ прилегающей частью Атлантическаго океана представляется остатками указаннаго выше Тетиса, игравшаго столь существенную роль въ исторіи земнаго рельефа.

Сокращеніе Тетиса шло крайне неравномѣрно, обуславливая во все третичное время рядъ перемежающихся наступленій и отступленій моря, послѣдствіемъ чего было обиліе смѣнявшихъ другъ друга разнообразныхъ осадковъ: морскихъ, солонатоводныхъ, прѣсноводныхъ и континентальныхъ. Если-бы мы стали искать причину такой пульсаціи Тетиса, сопровождавшей его сокращеніе и даже прекращеніе существованія какъ океана, то должны будемъ поставить этотъ процессъ въ связь съ колебаніями земной коры въ районѣ его нахожденія, а именно совершавшимся тогда поднятіемъ громадныхъ сладчатыхъ горныхъ цѣпей, каковы Пиренеи, Атласъ, Альпы, Карпаты, Апеннины, Кавказъ, Гималаи и др., которыя, увеличивъ размѣры прежняго сѣвернаго континента на счетъ уменьшенія Тетиса, обусловили соприкосновеніе его съ разrostавшимися къ сѣверу, на счетъ того же Тетиса, южными континентальными массами. Воды Тетиса, вслѣдствіе упомянутыхъ выше поднятій земной коры, ищутъ себѣ исхода, то сосредоточиваясь въ мѣстахъ опусканій земной коры, то наступая на сушу, пока наконецъ не нашли себѣ окончательнаго исхода во вновь образовавшемся океанѣ Атлантическомъ. Этотъ океанъ возникъ на мѣстѣ постепенно опускавшихся континентальныхъ массъ, какъ сѣвернаго—палеарктическаго континента, находившихся между Канадой, Гренландіей и Скандинавіей, такъ равно вслѣдствіе опусканія участка суши южнаго континента, соединявшаго южную Америку съ Африкой. Одновременно съ этимъ, въ третичное время происходитъ поднятіе южно и сѣверо-американскихъ Кордильеръ, соединеніе сѣверной и южной Америки, — этихъ, какъ видно изъ предыдущаго, частей двухъ различныхъ материковъ, — а равно соединеніе сѣверной Америки съ Азіей на мѣстѣ Берингова пролива. Нечего говорить, какое громадное вліяніе должны

были имѣть на эволюцію организмовъ, новыя комбинаціи въ соединеніи прежде разъединенныхъ и принадлежавшихъ къ обособленнымъ зоогеографическимъ областямъ океаническихъ и материковыхъ пространствъ.

Для эволюціи морского организованнаго міра громадное значеніе должно было имѣть указанное выше образованіе Атлантическаго океана и обособленіе его отъ Тихаго Антильскою сушею. Этотъ океанъ, образовавшійся на счетъ западнаго участка древняго Тетиса, опусканія участковъ суши, отдѣлявшихъ Тетисъ отъ Арктическаго и Антарктическаго океановъ, сдѣлался ареною, на которой произошло смѣшеніе фауны самыхъ различныхъ зоогеографическихъ областей. Но и независимо отъ смѣшенія въ его областяхъ разнородныхъ фаунистическихъ элементовъ, Атлантическій океанъ, по самому способу своего образованія, по характеру береговъ и дна, рѣзко отличающійся отъ Тихаго океана и прежняго Тетиса, наконецъ по температурѣ воды, представлялъ столь новыя жизненныя условія, что несомнѣнно былъ главнымъ полемъ широкаго эволюціоннаго движенія въ океаническомъ организованномъ мірѣ. Съ этимъ эволюціоннымъ движеніемъ недавно возникшаго океана развѣ могло сравниться только то, которое происходило въ области конвульсивно сокращавшагося и умиравшаго Тетиса.

Эволюція на сушѣ была еще энергичнѣе, какъ вслѣдствіе измѣненія климатическихъ условій, происходившаго отъ сокращенія вытянутаго съ запада на востокъ Тетиса и образованія протянувагося отъ арктическаго до антарктическаго круговъ Атлантическаго океана и возникновенія ряда высочайшихъ горныхъ цѣпей, такъ равно и вслѣдствіе соединенія до тѣхъ поръ обособленныхъ зоогеографическихъ областей сѣвернаго и южнаго материковъ, происшедшаго благодаря поднятію Антильской цѣпи между сѣверной и южной Америкой и соединенію разрозненныхъ частей Европы, Азіи и Африки въ одинъ материкъ. Если къ этому прибавить, что въ третичное время находились нѣкоторое время въ соединеніи сѣверная Америка съ Азіей на мѣстѣ теперешняго Берингова пролива, то получится такая картина переселенія, смѣшенія и обмѣна континентальныхъ фауны и флоры, такое неустойчивое состояніе равновѣсія континентальнаго организованнаго міра, которое не имѣло себѣ подобнаго въ исторіи земли и съ которымъ даже не можетъ сравниться интенсивное эволюціонное движеніе, положившее начало мезозойскому организованному міру.

Къ концу третичнаго времени организованный міръ пріобрѣтаетъ свой теперешній обликъ и вполне опредѣляются его теперешнія зоогеографическія области. Общее пониженіе температуры на землѣ, уже намѣченное въ мезозойское время и продолжавшееся въ теченіе всего третичнаго времени, достигло своего максимума въ самомъ началѣ переживаемого нами четвертичнаго періода, въ такъ называемое ледниковое время, обусловивъ сильное развитіе глетчеровъ въ альпійскихъ областяхъ и распространеніе громадныхъ глетчерныхъ покрововъ, спускавшихся съ сѣверныхъ широтъ арктической суши, прилегающей къ Атлантическому океану, на югъ приблизительно до 50° сѣв. шир. въ Европѣ и 40° той же широты въ Сѣверной Америкѣ. Мы не будемъ вдаваться въ причины ледниковаго періода, такъ какъ ни теллурическія гипотезы, основывающіяся на громадныхъ перемѣщеніяхъ суши и моря и главнымъ образомъ на образованіи Атлантическаго океана, ни космическія гипотезы, основывающіяся на измѣненіи величины эксцентриситета земной орбиты, не могутъ дать вполне удовлетворительнаго объясненія этого явленія. Мы ограничимся только указаніемъ, что этотъ періодъ не имѣлъ особаго вліянія на эволюціонное движеніе организмовъ, обусловивъ главнымъ образомъ временное переселеніе въ болѣе южныя широты нѣкоторыхъ сѣверныхъ организмовъ, которые, съ наступленіемъ болѣе мягкихъ климатическихъ условій настоящаго времени, вновь, болѣею частью, откочевали на сѣверъ. Въ ледниковое и послѣледниковое время произошелъ рядъ сравнительно небольшихъ перемѣщеній въ очертаніяхъ береговой линіи современныхъ бассейновъ и наконецъ окончательно установилось то направленіе въ развитіи физико-географическихъ и климатическихъ условій, по которому оно совершается въ переживаемую нами эпоху.

Изъ этого краткаго обзора географическаго распредѣленія организмовъ на земной поверхности въ прежнія геологическія времена и послѣдовательнаго развитія на земномъ шарѣ физико-географическихъ и орографическихъ условій вытекаетъ, что между тѣмъ и другимъ существуетъ нѣкоторый параллелизмъ, который болѣе рельефно выяснится, если мы сопоставимъ главные моменты въ развитіи лика земли съ общимъ направленіемъ эволюціи организованнаго міра.

Главные моменты формированія земнаго рельефа могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ: во время палеозойской эры совер-

шается развитіе первичныхъ материковыхъ основаній, заложенныхъ еще въ докембрійское время на сѣверномъ, а можетъ быть и на южномъ околополюсныхъ пространствахъ, на счетъ сокращенія первичнаго универсальнаго океана. Этотъ процессъ сокращенія совершается благодаря постепенному концентрированію водной массы въ двухъ углубленіяхъ, окаймленныхъ складками земной коры: одномъ—тихоокеаническомъ, вытянутомъ съ сѣвера на югъ, другомъ—тетическомъ, средиземномъ вытянутомъ съ востока на западъ. Концентрированіе океаническихъ водъ въ этихъ бассейнахъ ведетъ къ постепенному образованію и росту на сѣверѣ и на югѣ двухъ полукольцевыхъ материковъ: палеарктическаго и южнаго, отдѣленныхъ другъ отъ друга тетической частью первичнаго океана и омываемыхъ съ запада и востока его тихоокеаническою частью.

Мезозойская эра есть время окончательнаго образованія и начала сокращенія Тетиса, образованія Ледовитаго океана, какъ вѣтви тихоокеаническаго воднаго пространства, начала расчлененія южнаго материка, положеннаго образованіемъ Индійскаго океана, и совершеннымъ обособленіемъ Австраліи.

Кайнозойская эра есть время окончательнаго сокращенія Тетиса, остатками котораго въ настоящее время можно считать нѣкоторыя части Средиземнаго моря, и образованія Атлантическаго океана. Результатомъ этихъ процессовъ является съ одной стороны окончательное раздробленіе сѣвернаго и южнаго континентовъ и соединеніе между собою прилегающихъ частей различныхъ континентовъ въ меридіональномъ направленіи (сѣверной Америки съ южной Америкой и Африки съ Евразіей [Европа—Азія]).

Въ переживаемую нами эпоху первичный обликъ земли совершенно преобразился: 2, первично обособленные полярныя материковыя пространства, вытянутыя въ западно-восточномъ направленіи, чрезъ послѣдовательный рядъ преобразованій придвигаются другъ къ другу и даютъ двѣ разнородно составленныя нынѣшнія материковыя массы, вытянутыя въ обратномъ направленіи къ первичнымъ материкамъ. (Лаппаранъ).

Такимъ образомъ главные моменты въ развитіи организованнаго міра, на основаніи которыхъ земную кору дѣлятъ на группы и системы, а соотвѣтственно сему исторію земли на эры и періоды, совпадаютъ съ главными моментами въ развитіи лика земли. Но кромѣ того и самое

направленіе этого развитія идетъ параллельно съ развитіемъ организованнаго міра: такъ постепенная дифференцировка земнаго рельефа можетъ быть поставлена въ связь съ усложненіемъ со времени условій горизонтальнаго или географическаго распредѣленія организмовъ на земной поверхности, а увеличеніе материковъ — съ интенсивнымъ развитіемъ континентальной органической жизни, начиная со второй половины палеозойской эры. Наконецъ, знаменательно также совпаденіе моментовъ наиболѣе энергичнаго эволюціоннаго движенія въ земномъ рельефѣ съ интенсивною эволюціей среди организованнаго міра. Продолжительные періоды спокойнаго измѣненія рельефа земной коры, главнымъ образомъ происходившаго благодаря денудационнымъ-размывательнымъ процессамъ, смѣнявшіеся періодами интенсивнаго проявленія горообразовательныхъ процессовъ, должны быть поставлены въ параллель съ періодами спокойнаго послѣдовательнаго развитія организованнаго міра, прерываемаго короткими промежутками интенсивной эволюціи, а энергичное проявленіе горообразовательныхъ процессовъ въ концѣ палеозойской эры и другое, еще болѣе энергичное проявленіе ихъ въ самомъ началѣ кайнозойской, находятъ себѣ аналогію въ разграниченіи и послѣдовательномъ увеличеніи по степени интенсивности эволюцій — палеозойской, мезозойской и кайнозойской. Что касается океанической эволюціи, то она имѣетъ очень важное и притомъ общее значеніе, ибо всѣ біологи согласны, что жизнь началась въ морѣ и изъ всѣхъ зонъ только береговья (Murray, Herdman), да иногда пелагическія (Moseley, Brooks) предъявляютъ права считаться центромъ, изъ котораго произошло расселеніе организмовъ во всѣ остальные части океановъ и на материки. Съ геологической точки зрѣнія, какъ я думаю ясно изъ всего предыдущаго, также нужно полагать, что жизнь началась въ морѣ. Каково-же было это первичное море? Для этого нужно представить земную поверхность въ ея первоначальномъ видѣ, т. е. возстановить первоначальное положеніе всѣхъ нарушений въ напластованіяхъ земной коры, которыя какъ мы видѣли, постепенно образовывались на ея поверхности до и послѣ кембріискаго времени. Такая приведенная въ первоначальное т. ск. расправленное состояніе земная поверхность будетъ имѣть гораздо большіе размѣры, чѣмъ въ настоящее время. Водная оболочка покроетъ ее равномернымъ слоемъ, а принимая во вниманіе, что количество воды на землѣ всегда оставалось оди-

наковымъ, надо предположить, что эта оболочка, покрывая гораздо большую, чѣмъ теперь, поверхность, не отличалась своею толщиною, а потому и первичный океанъ далеко не имѣлъ такихъ глубинъ, какъ современные океаны и былъ мелководнѣе даже кембрійскаго, ибо въ кембрійское время—этотъ первый біологическій періодъ въ жизни земли—мы застаемъ на поверхности земной коры рядъ дислокацій, зачатки материковыхъ возвышеній и океаническихъ впадинъ, что указываетъ, что кембрійскій рельефъ земли не есть еще первичный и можетъ быть такъ относится по дифференцировкѣ къ первичному, какъ современный къ кембрійскому т. е. для образованія кембрійскаго рельефа изъ первичнаго м. б. потребовался промежутокъ времени, равный всему послѣ кембрійскому періоду земли.

Итакъ, первичный организованный міръ не былъ глубоководный, во всякомъ случаѣ долженъ быть болѣе мелководнымъ, нежели извѣстный намъ кембрійскій, ибо въ кембрійское время были уже зачатки материковъ т. е. водная оболочка не была сплошной, а сосредоточивалась въ обособившихся углубленіяхъ земной коры.—Если, руководствуясь эволюціоннымъ измѣненіемъ земнаго рельефа, мы приходимъ къ выводу, что кембрійскій рельефъ земной поверхности не есть первичный, а произошелъ изъ этого послѣдняго черезъ рядъ эволюціонныхъ измѣненій, то уже а priori можно сказать, что и кембрійскій организованный міръ далеко еще не первичный.

Это положеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ характерѣ органической эволюціи; ибо если брать аналогію изъ исторіи земли и вспомнить, какъ медленно изъ кембрійскаго организованнаго міра развивался современный и какіе собственно небольшіе успѣхи сдѣлала эволюція, начиная съ кембрійскаго времени и до переживаемой нами эпохи, то необходимо допустить, что сравнительно очень высоко организованный кембрійскій міръ имѣлъ длинное звено предковъ и, въ свою очередь, для своего развитія потребовалъ времени гораздо большаго, нежели весь послѣдующій закембрійскимъ періодъ въ исторіи земли. Этой продолжительной самой древней эрѣ въ исторіи земли соответствуютъ самыя древніе и самыя мощные, но совершенно безмолвные памятники въ ея корѣ, лежащіе подъ кембрійскими отложеніями, а именно до-кембрійскіе филлиты (глинистые сланцы), несомнѣнно отложенія водныхъ бассейновъ и подстилающіе ихъ слюдистые сланцы и наконецъ основаніе

земной коры—гнейсы, о загадочномъ происхожденіи которыхъ мы говорили въ нашей рѣчи. Особый характеръ этихъ породъ, рѣзко отличающій ихъ отъ всѣхъ осадочныхъ породъ, основаніемъ которыхъ онѣ служатъ, ихъ однообразіе и постоянство на всемъ земномъ шарѣ, ставятъ ихъ отдѣльно въ серіи остальныхъ горныхъ породъ и позволяетъ думать, что ихъ загадочное возникновеніе совершалось при отличныхъ отъ нашего времени условіяхъ и при томъ имѣвшихъ универсальное распространеніе на земной поверхности. Это предположеніе какъ-бы противорѣчитъ ученію униформитаризма, основаніемъ котораго служитъ положеніе о тождествѣ силъ, дѣйствовавшихъ въ прежнее время и дѣйствующихъ теперь. На самомъ дѣлѣ, процессы, совершающіеся въ земной корѣ и на ея поверхности зависятъ отъ внутренней энергіи земли и энергіи, получаемой отъ солнца. Взаимодѣйствіемъ этихъ двухъ источниковъ энергіи на земную кору обуславливаются все измѣненія этой послѣдней. Но эти первичные источники энергіи—земля и солнце—съ теченіемъ времени охлаждаются и сокращаются; сокращеніе земнаго шара обуславливаетъ въ главныхъ чертахъ измѣненіе земнаго рельефа. Охлажденіе и сокращеніе другаго источника энергіи—солнца, этого основнаго фактора, обуславливающаго существованіе на землѣ органической жизни, круговоротъ воды, распредѣленіе тепла и климатовъ, не могло оставаться безъ вліянія на процессы, совершавшіеся на земной поверхности во время длиннаго промежутка ея геологической жизни, а потому нельзя не согласиться съ Прествичемъ, что положеніе униформитаризма должно быть выражено такъ: силы природы, дѣйствуя всегда по одинаковымъ законамъ, по своей напряженности, далеко не всегда были одинаковы. И дѣйствительно, очень многіе изъ геологическихъ фактовъ не могутъ быть объяснены аналогіями изъ современныхъ физическихъ условій, имѣющихъ мѣсто теперь на земной поверхности. Къ такимъ фактамъ прежде всего относится болѣе высокая, чѣмъ теперь средняя температура, существовавшая на земной поверхности въ прежніе геологическіе періоды и однообразіе климатическихъ условій, увеличивающееся со степенью древности различныхъ геологическихъ эпохъ. Три года тому назадъ Дюбуа высказалъ мысль, что климаты земли, во всякомъ случаѣ со времени появленія на ней жизни, зависятъ отъ солнца, а уменьшеніе средней температуры на земномъ шарѣ отъ постепеннаго охлажденія этого источника теплоты.

Онъ разсматриваетъ солнце, какъ охлаждающуюся звѣзду, проходящую четыре стадіи: 1) *бѣлую*, современную палеозойской и мезозойской эрамъ, 2) переходную отъ бѣлой къ желтой, выразившуюся быстрымъ охлажденіемъ солнца, имѣвшимъ мѣсто въ третичное время, когда и вертикальное распредѣленіе растеній указываетъ на интенсивное пониженіе средней температуры. 3) желтую стадію, соотвѣтствующую четвертичной эпохѣ, съ временными колебаніями, во время которыхъ солнце давало красные лучи, обусловившіе пониженіе температуры на землѣ въ ледниковую эпоху и возвращеніе къ желтымъ лучамъ, соотвѣтствующее настоящему времени и наконецъ 4) стадію красную, самую холодную, которая настанетъ не за долго до того времени, когда солнце сдѣлается темнымъ. Другой ученый — Blandet объясняетъ однообразіе климатовъ въ палеозойское время и постепенное образованіе климатическихъ зонъ сокращеніемъ солнца, т. е. уменьшеніемъ его діаметра. При бѣлыхъ размѣрахъ солнца земля была болѣе близка къ нему, лучи его захватывали большую часть поверхности земли и болѣе равномерно распредѣлялись на ней; не было такой разницы между температурой полюсовъ и экватора и не существовали полярныя ночи. Наконецъ можно указать рядъ гипотезъ (напр. гипотеза Журдане), доказывающихъ что атмосферное давленіе было въ прежніе геологическіе періоды большимъ нежели теперь, а атмосфера съ большимъ содержаніемъ угольной кислоты и водяныхъ паровъ; другой ученый Bordier ставитъ въ связь постепенныя приближенія прежнихъ атмосферныхъ условій къ современнымъ съ филетическими измѣненіями въ организованномъ мірѣ и съ батиметрическимъ распредѣленіемъ животныхъ въ моряхъ. Не будемъ вдаваться въ разборъ этихъ гипотезъ, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, скажемъ только, если памятники историческаго періода земли, т. е. послѣ-архейскаго, аналоговъ которымъ можно найти и въ настоящее время, заставляютъ для ихъ объясненія прибѣгать къ гипотезамъ о существованіи на землѣ далеко иныхъ физическихъ условій нежели теперь, то понятно, съ какими трудностями сопряжено объясненіе памятниковъ архейской эры, аналоговъ которымъ мы не находимъ въ настоящее время и которые, какъ самые древніе наиболѣе измѣнены. Измѣненіе этихъ памятниковъ, зависящее отъ ихъ древности, затрудняетъ открыть ихъ первичную природу, затемненную послѣдующими физическими и химическими процессами.

Если геологамъ удастся наконецъ реставрировать первоначальную природу архейскихъ гнейсовъ и слюдястыхъ сланцевъ, то мы будемъ имѣть понятіе о первичныхъ физическихъ условіяхъ, сопровождавшихъ ихъ образованіе и будемъ въ состояніи судить, могла ли существовать въ архейское время органическая жизнь и, если могла, то въ какой формѣ?

Найти въ гнейсахъ организованные остатки нѣтъ надежды. Въ спорѣ о такъ называемомъ „Eozoön“, якобы первичномъ организмѣ, найденномъ въ кристаллическихъ известнякахъ архейскаго времени, можно видѣть только печальный примѣръ того, какъ упорствуютъ люди въ своихъ заблужденіяхъ.

Только отъ общихъ усилій геологовъ, изучающихъ способы происхожденія горныхъ породъ, палеонтологовъ, старающихся открыть пути геологической эволюціи организмовъ и біологовъ, изслѣдующихъ нынѣшнюю, конечную стадію этой эволюціи, можно ожидать освѣщенія вопроса, какіе корни и первичный стволъ имѣли тѣ вѣтви эволюціоннаго древа, которыя сохранились въ ископаемомъ состояніи и теперь населяютъ землю, а равно при какихъ физическихъ условіяхъ возникла жизнь на землѣ.

